

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1777

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССІV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. казачь, между Вознес. и Маринскіихъ мостами, д. № 90-1.

1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Андроникъ Младшій и Іоаннъ Кантакузинъ. Т. Д. Флоринскаго.

Въ вопросу объ авторѣ „Слова о полку Игоревѣ“ . . . . . И. И. Малышевскаго.

Что такое истинничество . . . . . А. И. Маркевича.

Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго. . . . . А. Г. Брикнера.

Бритическія и библиографическія замѣтки:

Образованіе втораго Болгарскаго царства. *Федора Успенскаго*. . . . . В. Г. Васильевскаго.

Зографское евангеліе, изданное *В. Ничемъ*. . . . . В. В. Качановскаго.

Замѣтка . . . . . Н. П. Некрасова.

Репетиторство въ гимназіяхъ. . . . . И. Бялорусова.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1878 году.

Воспитательныя и благотворительныя учрежденія въ Аомнахъ . . . . . П. Слюжниковъ.

Общество любителей древней письменности въ 1878 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія учебныя заведенія, б) низшія училища.

Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л—ръ.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОЧНИКОВЪДѢНІЯ ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(1682—1698 гг.).

Въ области отечественной исторіографіи разработка эпохи Петра Великаго занимаетъ видное мѣсто. Громадный трудъ Н. Г. Устрялова и шесть томовъ отъ XIV-го до XIX-го „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева заключаютъ въ себѣ множество новыхъ данныхъ для исторіи Петра и представляютъ мѣстами полный монографическій разборъ важнѣйшихъ до сихъ поръ извѣстныхъ источниковъ. Главная же заслуга обоихъ историковъ заключается въ сообщеніи неизвѣстныхъ до появленія ихъ трудовъ архивныхъ документовъ, проливающихъ новый свѣтъ на событія конца XVII и начала XVIII вѣка.

Кромѣ того, необычайно добросовѣстно изучавшій литературу предмета Устряловъ обращалъ вниманіе и на иностранныя сочиненія, на отзывы современниковъ-иностранцевъ о Петрѣ и о событіяхъ во время его царствованія. Начитанность Устрялова весьма обширна. Ему знакомы многія малоизвѣстныя сочиненія на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ. Однако съ тѣхъ поръ, какъ онъ трудился надъ этимъ предметомъ, многіе матеріалы для исторіи Петра сдѣлались болѣе доступными. Результаты изысканій нашего знаменитаго ученаго могутъ въ настоящее время быть дополнены новыми свѣдѣніями.

Съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Устряловъ, исторіографія особенно въ двухъ отношеніяхъ оказала услуги наукъ. Во первыхъ, появились библиографическіе труды, значительно облегчающіе пользованіе совре-

менною брошюрною літературою; воторыхъ, изданы сборники донесеній иностранныхъ дипломатовъ о Петрѣ и о Россіи во время Петра.

Что касается до библиографическихъ сочиненій, то въ послѣднее время особенное значеніе имѣютъ два изданія Императорской Публичной бібліотеки въ С.-Петербургѣ. Въ 1873 году явился обширный трудъ: *Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères* въ двухъ большихъ томахъ. Тщательно составленная и напечатанная въ концѣ втораго тома *Table méthodique* заключаетъ въ себѣ чрезвычайно важное и полезное библиографическое пособіе при изученіи всѣхъ частей и предметовъ отечественной исторіи. Краткій указатель методическаго каталога на стр. 770 и 771: *Ordres des divisions de la table méthodique*, доставляетъ изслѣдователю возможность удобно и не теряя времени ориентироваться въ методическомъ указателѣ. Такого рода пособія въ высшей степени полезны. Чуть ли не первымъ подобнымъ изданіемъ былъ трудъ Адельунга *Ubersicht der Reisenden in Russland*, служащій необходимою справочною книгою для занимающихся исторіею Россіи.

По отдѣлѣ такъ называемыхъ *Russica*, относящихся къ эпохѣ Петра Великаго, сдѣлался предметомъ спеціальнаго и особенно важнаго труда. Уже въ 1872 году явился *Catalogue raisonné des Russica de la Bibliothèque Impériale publique de St. Pétersbourg. I. Pierre le Grand dans la littérature étrangère publié d'après les notes de Monsieur le comte de Korff par R. Minzlof*. Этотъ библиографическій трудъ можетъ считаться чуть ли не самымъ важнымъ изъ множества юбилейныхъ изданій, появившихся въ 1872 году. Въ немъ обнаруживается чрезвычайно ясно то вниманіе, которымъ пользовался Петръ за границей, а также громадное богатство Императорской Публичной бібліотеки относительно этого предмета. Нельзя не сожалѣть о томъ, что Устряловъ въ свое время, не могъ пользоваться такимъ библиографическимъ пособіемъ: это дало бы ему возможность значительно пополнить нѣкоторыя части своего труда.

Слѣдующія замѣтки имѣютъ цѣлью указать на значеніе нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ сочиненій, въ которыхъ современники Петра обращали вниманіе на тогдашнюю Россію. На первый случай мы ограничиваемся разборомъ брошюръ и книгъ, относящихся къ событіямъ исторіи Петра до 1698 года. Тутъ—въ первомъ отдѣлѣ—прежде всего обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторые разказы о князѣ Василіѣ Васильевичѣ Голицынѣ, и далѣе нѣкоторыя общія сочиненія о Россіи въ восьмидесятыхъ и де-

вѣдѣній годовъ XVII-го вѣка; въ заключеніе сообщаемъ разборъ нѣкоторыхъ сочиненій, въ которыхъ говорится о путешествіи Петра за границу въ 1697—1698 гг. Во второмъ отдѣлѣ нашей статьи мы указываемъ на содержаніе донесеній нѣкоторыхъ дипломатовъ, которые были изданы въ послѣднее время. И тутъ мы ограничиваемся лишь такими источниками, которые относятся къ эпохѣ исторіи Петра до его возвращенія въ Россію въ августѣ 1698 года.

ГЛАВА I. СОВРЕМЕННЫЯ ВРОЩЮРЫ И КНИГИ.

I. Отзвы о князѣ Василіѣ Васильевичѣ Голицынѣ и о Крымскихъ походахъ.

Личность князя В. В. Голицына, извѣстнаго сотрудника и друга царевны Софіи, управлявшаго Россіей вмѣстѣ съ регентшею съ 1682 по 1689 годъ, не разъ обращала на себя вниманіе иностранцевъ. Въ то время, когда онъ занималъ столь высокое мѣсто въ государствѣ, Голицынъ постоянно находился въ сношеніяхъ съ иностранцами, часто бывалъ въ Нѣмецкой Слободѣ, видѣлся съ западно-европейскими дипломатами и бесѣдовалъ съ ними о разныхъ предметахъ.

Изъ дневника Гордона мы знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ В. В. Голицынъ находился къ этому замѣчательнѣйшему представителю колоніи иностранцевъ въ Москвѣ. Гордонъ еще до вступленія на престолъ царей Ивана и Петра, во время Чигиринскихъ походовъ, былъ хорошо знакомъ съ Голицынымъ, часто обѣдалъ у него и бесѣдовалъ съ нимъ о вопросахъ западно-европейскаго политическаго быта. Извѣстно, что Голицынъ былъ защитникомъ правъ католиковъ; Гордонъ же, какъ главный агитаторъ въ пользу католической церкви въ Россіи, надѣялся на заступничество своего сильнаго покровителя. Между Гордономъ и Голицынымъ происходили также не разъ совѣщанія о восточномъ вопросѣ. Когда Гордонъ въ 1686 году на время уѣхалъ въ Англію и Шотландію, Голицынъ ручался предъ Софіей за возвращеніе его въ Россію, переписывался съ нимъ и чрезъ него выписывалъ офицеровъ, инженеровъ и фейерверкероу изъ Англіи. Англія особенно интересовала Голицына. О томъ, что происходило въ этой странѣ, онъ весьма часто спрашивалъ Гордона и чрезъ него узнавалъ подробности объ англійской революціи 1688 года, о короляхъ Яковѣ II и Вильгельмѣ III. Не разъ Гордонъ встрѣчался съ княземъ на пирушкахъ у иностранцевъ въ Нѣмецкой Сло-

бодѣ, напримѣръ, на вечерѣ у Эліаса Тоборта, на свадьбѣ у Даниела Гартманна и пр. Привязанность Гордона къ Голицыну доходила до того, что онъ посѣтилъ Голицына даже въ Троицкомъ монастырѣ, накупунѣ ссыли въ сентябрѣ 1689 года ¹⁾).

Между иностранными дипломатами, жившими въ то время въ Нѣмецкой Слободѣ, весьма важную роль игралъ посланникъ Нидерландской республѣки баронъ Келлеръ. Въ дописаніяхъ Генеральнымъ Шта-тамъ Келлеръ весьма часто упоминаетъ о сношеніяхъ своихъ съ княземъ Голицыннимъ, который очевидно искалъ сближенія съ людьми образованными, не разъ высказывалъ искреннее расположеніе къ Голландіи и къ западно-европейской цивилизаціи вообще. Еще въ 1683 году Голицынъ, обѣдая однажды у Келлера, съ особеннымъ радушіемъ говорилъ о Нидерландахъ, спрашивалъ посланника о войскѣ и флотѣ, о финансахъ и разныхъ учрежденіяхъ этого государства. Спустя нѣкоторое время онъ опять съ многочисленною свитою былъ у Келлера и за столомъ произнесъ длинную рѣчь о Голландіи, которой пожелалъ процвѣтанія и благоденствія ²⁾).

Можно считать вѣроятнымъ, что Голицынъ говорилъ съ барономъ Келлеромъ по латыни. Уже то обстоятельство, что министръ Софін при своихъ сношеніяхъ съ иностранцами не нуждался въ переводчикахъ, и свободно владѣя латинскимъ языкомъ, могъ бесѣдовать съ ними о всевозможныхъ предметахъ, не могло не нравиться пріѣзжавшимъ въ Россію дипломатамъ.

Каково было впечатлѣніе, произведенное личностью Голицына на представителей западно-европейской цивилизаціи, мы узнаемъ изъ сочиненія французско-польскаго дипломатическаго агента Невилля, находившагося въ Россіи, когда Голицынъ возвратился изъ втораго Крымскаго похода и когда готовилось его паденіе.

Голицынъ принялъ Невилля такъ, какъ принимали въ то время у себя пріѣзжающихъ дипломатовъ италіанскіе государи, то-есть, съ утонченностью опытнаго салоннаго человѣка и съ ловкою учтивостью государственнаго дѣятеля, привыкшаго вращаться въ кругу высшаго общества. Въ бесѣдѣ, происходившей на латинскомъ языкѣ, Голицынъ

¹⁾ См. Дневникъ Гордона I, 413, 452; II, 4, 118, 120, 142, 158, 159, 167, 205, 226, 230, 241, 278, а также и нашу біографію Гордона въ *Журналъ Миллестрета Нар. Пр.* за 1877 и 1878 гг.

²⁾ *Posselt, Lefort*, I, 341, 370.

оказался остроумнымъ и свѣдущимъ, посвященнымъ во всѣ подробности политики западной Европы. О томъ, что онъ предполагалъ сдѣлать для Россіи, о разныхъ реформахъ, которыя онъ имѣлъ въ виду, Голицынъ говорилъ съ такимъ жаромъ и столь краснорѣчиво, что Невилль былъ въ восхищеніи. Ему казалось, что съ преобразованіями Голицына для Россіи настанетъ новая эпоха. Голицынъ мечталъ о распространеніи просвѣщенія, о разныхъ мѣрахъ для поднятія матеріальнаго благосостоянія народа. Онъ говорилъ Невиллю о своемъ намѣреніи содержать постоянныхъ резидентовъ при иностранныхъ дворахъ, отправлять Русскихъ для ученія за границу, преобразовать войско, превратить преобладающее тогда въ управленіи финансами натуральное хозяйство въ денежное, развить торговлю съ Китаемъ и пр. Даже о своемъ намѣреніи освободить крестьянъ и обезпечить ихъ матеріальное благосостояніе достаточнымъ надѣломъ Голицынъ разказывалъ собесѣднику-иностранцу, который послѣ паденія Голицына замѣтилъ, что Россія вмѣстѣ съ этимъ гениальнымъ человекомъ лишилась будущности ¹⁾.

Все это согласуется съ образомъ жизни Голицына. Мы знаемъ, какова была обстановка домашней жизни князя, въ какой мѣрѣ великолѣпно были убраны его палаты, и какова была его библіотека. У него были глобусы, географическія карты, статуи и картины, множество книгъ по разнымъ предметамъ и на разныхъ языкахъ, драгоценныя рукописи ²⁾.

Невилль разказываетъ о Голицынѣ многое, не заслуживающее довѣрія. То, что въ этой Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie говорится объ умыслахъ Голицына относительно царя Ивана, о его намѣреніи вступить въ бракъ съ царевною Софіей и проч. можетъ подлежать сомнѣнію. За то содержаніе бесѣдъ князя съ Невиллемъ нельзя не считать историческимъ фактомъ. Какова была репутація Голицына относительно его познаній и стремленія къ ихъ развитію, его любви къ наукамъ, видно изъ разныхъ сочиненій того времени, въ которыхъ говорится о князѣ. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ Шлейзинга: *Dererbeyden Czaaren in Reussland, Jwan und Peter, nebst deren Scwester geführter Regimentsstab*, напечатанной въ 1694 году, говорится о Голицынѣ съ похвалою, при чемъ замѣчено, что серьезныя

¹⁾ *De la Neuville*, Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie. A la Haye 1699 стр. 16, 55, 175, 215.

²⁾ См. *Соловьева* Ист. Р., т. XIV, стр. 97—99.

занятія науками составляютъ въ Россіи самое рѣдкое исключеніе, но что Голицынъ не только устно, но также и письменно выражается вполне свободно на латинскомъ языкѣ.

При такомъ вниманіи, которымъ пользовался любимецъ Софіи, нельзя удивляться тому, что вообще о немъ говорили и писали много. Однако оказывается, что многія данныя о Голицынѣ, встрѣчаемыя въ брошюрахъ того времени, были неточны и даже заключаютъ въ себѣ множество басней и небллицъ. Многія обстоятельства его политической и военной дѣятельности остаются, не смотря на относительное богатство источниковъ, не разгаданными. Его образъ дѣйствій во время Крымскихъ походовъ подалъ поводъ къ разнымъ подоврѣніямъ. Множество слуховъ о его государственныхъ преступленіяхъ обращалось въ публикѣ и встрѣчалось даже за границею. Обстоятельства его паденія, его ссылки не были извѣстны современникамъ въ подробностяхъ. На этотъ счетъ въ обществѣ разказывали самыя странныя вещи. При тогдашнемъ отсутствіи гласности было возможно, что въ разныхъ кругахъ современниковъ Голицына сочинялись и принимались на вѣру самыя баснословныя разказы объ участи этого нашего государственнаго человѣка, а также о его подвигахъ и о преступленіяхъ. До чего доходятъ такого рода историческія недоразумѣнія, можно видѣть изъ слѣдующихъ сочиненій, въ которыхъ говорится о дѣятельности и о судьбѣ Голицына.

1. Разказъ о Крымскомъ походѣ 1687 года.

Kurtzo Beschreibung von Moscovien oder Russland. Aus französischen, holländischen und anderen neueren Scribenten mit Fleiss zusammengefasst, bis auf die letzten Zeiten des itzigen Krieges mit der Ottomanischen Porten se. Samt einer Erzählung wie die Moscoviter neue Länder gesucht gegen Morgen und die grosse Tartariy se., herausgegeben von *Jacob Sandrart*, Kupferstechern und Kunsthändlern in Nürnberg. 1688.

Второе изданіе этого сочиненія, дополненное разказами о путешествіяхъ и походахъ Петра Великаго, явилось въ 1711 году ¹⁾.

Ужъ изъ самаго заглавія книги видно, что она заключаетъ въ себѣ компиляцію. Издатель, Якобъ Зандрартъ, не можетъ считаться авторомъ ея. Онъ никогда не былъ въ Россіи. Какъ издатель разныхъ

¹⁾ О третьемъ изданіи, явившемся въ Нюрнбергѣ на латинскомъ языкѣ, упоминаетъ *Аделунгъ*: Uebersicht der Reisenden in Russland, II, S. 379.

замѣчательныхъ книгъ и граверъ на мѣди, онъ въ свое время пользовался нѣкоторою извѣстностью ¹⁾).

Характеръ и содержаніе этой книги соотвѣтствуютъ характеру и содержанію многихъ изданій о Россіи, явившихся за границею въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Тутъ говорится о географіи и этнографіи Россіи, о нравахъ и обычаяхъ народа и объ учрежденіяхъ. Въ десятой главѣ разсказывается исторіи Россіи, но только послѣдняго времени. Особенно подробно говорится о порчѣ нравовъ въ русскомъ обществѣ. До чего доходитъ искаженіе именъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: первая супруга царя Θεодора Алексѣевича, Агафья Семеновна Грушецкая, названа „Euphemia Kautelski“, вторая супруга, Марѳа Матѣевна Апраксина, названа „Martha Marceona Euphgeona Liporgini“ (стр. 112).

Насъ, въ данномъ случаѣ, интересуетъ въ этомъ сочиненіи лишь та часть, которая относится къ разказу о Крымскомъ походѣ (стр. 203 и слѣд.). Тутъ встрѣчаются слѣдующія баснословныя данныя.

Прежде всего говорится о громадномъ количествѣ войска, отправленномъ для завоеванія Крыма. Показана цифра въ 527,000 человекъ: мало того: сообщается подробное исчисленіе составныхъ частей войска (на стр. 204). Затѣмъ говорится объ удивительныхъ успѣхахъ русскаго оружія, разсказывается о взятіи Перекопской крѣпости 24-го іюля, при чемъ погибло не менѣе 59,000 Татаръ, а со стороны Русскихъ не болѣе 3000 казаковъ. Послѣ этой блестящей побѣды—разказано затѣмъ—русское войско отиравилось дальше для взятія Очаковской крѣпости. Очаковъ взятъ, при чемъ погибло 70,000 Татаръ, между тѣмъ какъ потеря Русскихъ состояла лишь изъ 400 убитыхъ. Разказаны нѣкоторыя подробности занятія турецкой крѣпости и о взятіи въ плѣнъ одного турецкаго генерала, коменданта крѣпости съ 300 янычаръ. Авторъ, какъ кажется, убѣжденъ въ правдивости своего разказа. Онъ продолжаетъ въ тонѣ составителя подневной записки или корреспондента: „Ко мнѣ только-что пришелъ казакъ и подтвердилъ все вышесказанное. Онъ къ этому присовокупилъ разказъ о сраженіи съ Крымскимъ ханомъ, въ которомъ было убито 8000 Татаръ“ ²⁾. Результатъ этой побѣды оказывается весьма важнымъ: вслѣдствіе столь удачныхъ военныхъ дѣйствій были освобождены всѣ

¹⁾ *Minslof*, p. 3.

²⁾ Значить, авторъ желаетъ увѣрить читателя, будто онъ во время полученія этихъ извѣстій находился въ Москвѣ.

плѣнныя, находившіеся въ Крыму, многія тысячи Татаръ изъявили желаніе сдѣлаться подданными Московскихъ царей; многія тысячи прекрасныхъ лошадей татарскихъ сдѣлались добычею Русскихъ и пр. Разказъ заключается слѣдующими словами: „Если Богъ и далѣе благословитъ русское оружіе, то Татарскій ханъ въ ближайшемъ будущемъ сдѣлается вассаломъ Московскихъ царей. „Въ заключеніе говорится объ арестованіи казацкаго гетмана Самойловича и скоромъ прибытіи его въ столицу.

Таковъ разказъ о первомъ Крымскомъ походѣ Голицына. Любопытно при этомъ случаѣ соединеніе истины съ выдумками. Последнее замѣчаніе о злосчастной судьбѣ гетмана вполне соответствуетъ фактамъ, все же остальное лишено всякаго основанія.

Какъ достоверно извѣстно, первый Крымскій походъ не имѣлъ никакаго успѣха; вовсе и не было встрѣчи русскихъ войскъ съ татарскими. Голицынъ со своею арміею, не дошелъ вовсе до Перекопа и возвратился въ Москву, не видѣвъ ни одного Татарина. Голая, безводная степь, степные пожары, недостатокъ въ продовольствіи заставили Голицына возвратиться въ Москву прежде встрѣчи съ неприятелемъ. Изъ дневника Гордопа мы знаемъ, каковы были лишенія войска въ этомъ походѣ. Изъ писемъ Франца Лефорта къ его родственникамъ въ Женеву мы узнаемъ, въ какомъ отчаяніи былъ самъ полководецъ. „Нашъ генералиссимусъ“, пишетъ Лефортъ, — „былъ въ себя; могу васъ увѣрить, онъ плакалъ“...

Однако, послѣ этой неудачи правительство не желало сознаваться въ томъ, что русское войско потерпѣло страшное фіаско. Регентша и Голицынъ старались распространять совсѣмъ иные слухи объ этомъ событіи. Голицынъ самъ былъ удостоенъ щедрой награды: онъ получилъ дорогую золотую цѣпь, медаль, цѣною въ 300 червонцевъ и 1000 крестьянскихъ дворовъ. Были опубликованы манифесты о многихъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ Татарами ¹⁾. Голицынъ старался и чрезъ иностранныхъ дипломатовъ, находившихся въ Москвѣ, разглашать за границею вѣсть объ успѣхахъ русскаго войска. Такъ на примѣръ, мы знаемъ, что баронъ Келлеръ взялъ на себя трудъ распространять въ Голландіи извѣстіе объ успѣхахъ Голицына ²⁾; и въ

¹⁾ См. Полн. Собр. Зак., II, № 1258.

²⁾ См. соч. *Посельста*: Lefort, I, стр. 389.

Польшу были отравлены такого же рода извѣстїя, и въ Вѣнѣ ходили слухи о побѣдахъ, одержанныхъ Голицынымъ надъ Татарами ¹⁾.

Изъ книги Зандарта видно, что желанная цѣль была достигнута. Хотя и на короткое время, но за границею повѣрили такимъ разказами объ успѣхахъ русскаго оружія, Голицынъ могъ прослыть знаменитымъ полководцемъ. Нельзя однако обвинять исключительно русское правительство за разглашеніе ложныхъ слуховъ. Писатели, спекуляторы-издатели весьма охотно участвовали въ сочиненіи басней и небылицъ. Особенно рельефно выдается это обстоятельство въ сочиненіи, изданномъ Зандартомъ по случаю показанія о числѣ русскихъ войскъ: не 527,000 человекъ отправилось въ походъ въ 1687 году, а 100,000, какъ мы знаемъ изъ подробныхъ данныхъ, сообщенныхъ Устряловымъ ²⁾.

2. Списокъ письма изъ Москвы объ измѣнѣ Голицына.

Copia litterarum ex Stolicza Moscorum Metropoli, de prodicione Archistrategi Galliczin scriptarum. S. l. (1689) 4°.

Это письмо, неизвѣстно гдѣ напечатанное, состоитъ изъ одной страницы. Въ концѣ его помѣчено 5-е октября 1689 года; значитъ, оно писано послѣ окончанія кризиса, имѣвшаго слѣдствіемъ паденіе Софїи и Голицына; немного позже Петръ возвратился въ столицу, покинутую имъ въ началѣ августа. Судьба Голицына рѣшилась въ первыхъ числахъ сентября; во второй половинѣ сентября Софія должна была удалиться въ Новодѣвичій монастырь; Петръ въ это время сначала въ Троицкомъ монастырѣ, затѣмъ въ Александровской слободѣ былъ занятъ военными упражненіями подъ руководствомъ Патрика Гордона.

Что толковали въ продолженіе этого времени объ этихъ происшествіяхъ въ публикѣ, мы не знаемъ. Изъ письма неизвѣстнаго автора, по всей вѣроятности принадлежавшаго къ кругу иностранцевъ видно, что жителямъ столицы положеніе дѣлъ было мало извѣстно, что относительно главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ государственнаго переворота 1689 года ходили разные неосновательные слухи и что за границу объ этихъ дѣлахъ были отираваемы извѣстїя, не

¹⁾ См. соч. *Терещенко* о жизни государственныхъ сановниковъ, замѣчавшихъ иностранцами дѣлами, I, стр. 163—164.

²⁾ *Устряловъ*, I, 193.

соотвѣтствованія фактамъ. Мы узнаемъ, что распря между Петромъ и Софіей въ частностяхъ была неизвѣстна большинству публики, и что развѣ только болѣе приближенные люди, какъ напримѣръ, Гордонъ, могли знать въ точности настоящія причины разрыва, намѣренія враждебныхъ партій и судьбу самого Голицына.

Въ этомъ отношеніи достойно вниманія различіе между событіями 1682 года и государственнымъ переворотомъ 1689 года. Первый стрѣлецкій бунтъ происходилъ въ Москвѣ на глазахъ всѣхъ. Каждый могъ составить себѣ понятіе о томъ, что происходило, каждый имѣлъ возможность слѣдить за разными фазами этой кровавой драмы. Въ 1689 году, напротивъ, разрывъ между придворными партіями, ожидавшими другъ отъ друга нападенія, могъ въ частностяхъ быть извѣстнымъ лишь высшимъ кругамъ столичнаго общества, состоявшимъ въ связи съ правительствомъ.

Вотъ содержаніе этого письма, писаннаго на латинскомъ языкѣ. Въ немъ въ октябрѣ разказываются событія съ самаго начала августа слѣдующимъ образомъ:

„Царь Петръ до того былъ недоволенъ неудачею Крымскихъ походовъ Голицына, что въ сопровожденіи двѣнадцати-тысячнаго войска удалился изъ столицы, обѣщавъ возвратиться туда нѣ раньше какъ послѣ арестованія Голицына и всѣхъ его приверженцевъ. Вслѣдствіе этого Голицынъ хотѣлъ спасти себя бѣгствомъ изъ столицы. Петръ отправилъ за нимъ въ Погоню копѣйщиковъ и стрѣльцовъ (*veloces Faculatores et Strelcios*). Голицынъ свое имѣніе, куда онъ удалился превратилъ въ крѣпость, защищаемую отрядомъ около тысячи чело- вѣкъ“.

Причиной удаленія Петра, какъ извѣстно, не было озлобленіе на Голицына по поводу неудачи въ Крымскихъ походахъ, а слухъ о заговорѣ, составленномъ будто бы съ цѣлью убить его, Нарышкиныхъ и князя Бориса Алексѣевича Голицына. Неудовольствіе Петра относительно наградъ Василю Васильевичу Голицыну и другимъ лицамъ, участвовавшимъ въ Крымскомъ походѣ, было, такъ сказать, началомъ разрыва, но не могло быть причиной удаленія Петра въ Троицкій монастырь. Что царь былъ огорченъ лживостью и хвастливостью Софіи и Голицына, старавшихся замаскировать неудачу войны и требовавшихъ отъ царя согласія на щедрыя награды, было извѣстно въ кружкахъ военныхъ людей, какъ мы знаемъ изъ дневника Гордона. Послѣдній замѣчаетъ 27-го іюля: „Каждый видѣлъ и зналъ, что согласіе царя было вынуждено насильно. Всѣ предвидѣли разрывъ.“

Хотя по возможности было скрывается отъ толпы происходившее, но все-таки почти каждый зналъ о томъ, что случилось" ¹⁾).

Голицынъ не искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Въ то время, когда другіе сотрудники Софіи думали о спасеніи, онъ въ нерѣшимости оставался въ столицѣ или въ своемъ, находившемся въ близкомъ отъ Москвы разстояніи, имѣніи Медвѣдковѣ. Сильвестръ Медвѣдевъ бѣжалъ къ Смоленску, пробираясь въ Польшу и укрываясь въ Вызюковомъ монастырѣ; нѣкоторые стрѣльцы, которыхъ положеніе было особенно опасно были скрываются во дворцѣ, въ царевниной спальнѣ; Шакловитый намѣревался бѣжать; онъ сидѣлъ въ одной комнатѣ позади большихъ хоромъ царевнинныхъ, думалъ распустить слухъ о своей смерти, а между тѣмъ спрятаться въ лѣсу; для него у дворцовой лѣстницы готова была осѣдланная лошадь, а подъ Дѣвичьимъ монастыремъ экипажъ. Однако Шакловитый не рѣшился бѣжать, опасаясь, чтобъ его не схватили стрѣльцы, бродившіе по Кремлю ²⁾).

Невилль разказываетъ, что и Голицынъ думалъ о бѣгствѣ, что онъ хотѣлъ удалиться, стать во главѣ казаковъ и Татаръ, бѣжать въ Польшу, отправить за границу свои сокровища. Онъ прибавляетъ, что Голицынъ еще въ послѣднюю минуту могъ бы спастись бѣгствомъ, но не захотѣлъ оставить свое семейство на произволь судьбы ³⁾. Во всякомъ случаѣ со стороны Голицына ожидали попытки спасенія бѣгствомъ. Еще въ Троицкомъ монастырѣ, тотчасъ же послѣ прочтенія Голицыну приговора о ссылкѣ, распространился слухъ о томъ, что Голицынъ, Неплюевъ, Змѣевъ и пр. сдѣлали попытку бѣжать ⁴⁾).

Вообще на счетъ Голицына были распространяемы разные слухи, какъ видно изъ письма неизвѣстнаго корреспондента, который, разказавъ объ удаленіи его въ свое имѣніе, гдѣ онъ будто защищался при помощи оставшагося вѣрнымъ ему отряда войска, продолжаетъ:

„Впрочемъ, разказываютъ и другое. Иные говорятъ, что Голицынъ въ своемъ убѣжищѣ убитъ, другіе, что его, въ цѣпяхъ, привезли въ Москву, и что здѣсь происходятъ совѣщанія о способѣ его казни“.

Значитъ, въ столицѣ въ началѣ октября еще не было извѣстно,

¹⁾ Дневникъ, II, 267.

²⁾ См. Устряловъ, II, 69—70.

³⁾ Relation curieuse, 167.

⁴⁾ Гордонъ, II, 280.

что несчастный фаворитъ Софіи уже находился тогда на пути въ мѣсту ссылки, что его судьба была рѣшена, но что, благодаря заступничеству двоюроднаго брата Василя Васильевича, главнаго ментора Петра, князя Бориса Алексѣевича Голицына, не думали казнить наивнаго оберегателя печати или подвергнуть его пыткамъ. И изъ другаго источника мы узнаемъ, что въ народѣ разказывали, будто Василя Васильевича пытали ¹⁾).

Письмо оканчивается замѣткой, что „между двумя царями восстановлено полнѣйшее согласіе (*ingens contentio*), что младшій (*sic*) царь Иванъ выѣхалъ съ сестрою намѣренъ удалиться въ монастырь, и что большая часть бояръ и стрѣльцовъ держится стороны Петра“. „Что затѣмъ воспослѣдуетъ“, сказано въ заключеніе, — „тому насъ научить время“.

Можно удивляться тому, что въ началѣ октября не знали въ народѣ о томъ, что царевна Софія тогда уже находилась въ монастырѣ, а также тому, что царя Ивана, который былъ нѣсколькими годами старше Петра, называли „junior Szarius Juan“.

За то слухъ о добромъ согласіи двухъ царей соответствовалъ сущности фактовъ. Петръ еще изъ Троицкаго монастыря, въ первой половинѣ сентября, обратился къ царю Ивану съ письмомъ, въ которомъ изъявилъ готовность почитать его, какъ отца и пр.“ Объ удаленіи Ивана въ монастырь, какъ кажется, не могло быть рѣчи.

3) Бесѣды въ царствѣ мертвыхъ.

Gespräche im Reiche der Todten; 224 Entrevue zwischen dem Kneese Basilio Galliczyn und dem Russischen General C. von Hochmuth, worinnen... beider Personen Loben, gehabte sonderbare Fata und gethane Thaten enthalten. Leipzig, 1737. 4°.

Авторъ этой брошюры неизвѣстенъ. Она писана въ то время, когда Василя Васильевича Голицына уже давно не было въ живыхъ. Въ ней главнымъ лицомъ оказывается Голицынъ, второстепеннымъ — генералъ Гохмутъ.

Писать историческія брошюры въ видѣ „бесѣдъ въ царствѣ мертвыхъ“ было модою въ тогдашнее время. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ находится значительное число таковыхъ брошюръ, бесѣдъ между Карломъ VI и Анной Иоанновною, между Анной Иоанновною и папою Климентомъ XII, между Англійскою королевою Ели-

¹⁾ *Schleusing*, l. c. «auf Torturart geknütet».

заветой и Анной Іоановною, между Паткулемъ и Герцогъ, между Петромъ Великимъ и Иваномъ Грознымъ, между Петромъ Великимъ и Карломъ XII, между Петромъ II и его отцомъ, царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и пр.

Тонъ этихъ брошюръ иногда шуточный. Дѣйствующія лица разказываютъ о своихъ походахъ, хвалятъ или порицаютъ другъ друга, сообщаютъ разныя подробности объ историческихъ событіяхъ и т. д. Какъ кажется, цѣль такихъ сочиненій не всегда была публицическая и тенденціозная. Эти бесѣды большею частью писаны для развлеченія публики, и судя по тому обстоятельству, что нѣкоторыя изъ нихъ были издаваемы нѣсколько разъ, онѣ служили любимымъ чтеніемъ современниковъ. Въ настоящее время эти произведенія могутъ считаться библиографическими рѣдкостями. Неизвѣстные авторы ихъ не всегда заботились о собираніи точныхъ данныхъ для своихъ повѣствованій. Они очень часто относились къ предмету крайне легкомысленно, путали факты, вѣрили ложнымъ слухамъ и выдумкамъ и не заботились о критикѣ историческихъ данныхъ или о вѣрнѣ хронологическихъ указаній. Примѣромъ такого легкомысленнаго отношенія къ историческимъ фактамъ можетъ служить и брошюра о Голицынѣ и Гохмутѣ, заключающая въ себѣ необыкновенную и забавную путаницу лицъ и фактовъ.

Укажемъ сначала на нѣкоторые примѣры хронологическаго смѣшенія разныхъ историческихъ фактовъ. Первый походъ Василя Васильевича Голицына въ Крымъ отнесенъ къ 1678 году, второй—къ 1679 году, третій—къ 1680 году, послѣ чего заключенъ миръ въ 1681 году. Очевидно, тутъ смѣшаны Чигиринскіе походы съ Крымскими; тутъ является нѣкоторое туманное воспоминаніе о Бахчисарайскомъ договорѣ, заключенномъ при Теодорѣ Алексѣевичѣ. Паденіе Софіи и отправленіе Голицына „въ Сибирь“ отнесено къ 1688 годъ: т. п.

Разумѣется, нельзя ожидать, чтобы люди позднѣйшихъ поколѣній, какъ и авторъ этой брошюры, могли знать частности событій, совершившихся за полвѣка предъ тѣмъ. Однако при чтеніи этой „Бесѣды въ царствѣ мертвыхъ“ обнаруживается одно недоразумѣніе, которое производитъ самое страшное и чуть ли не комическое впечатлѣніе, а именно—въ брошюрѣ личность Василя Васильевича Голицына отождествляется съ личностью его двоюроднаго брата, Бориса Алексѣевича Голицына, и чрезъ соединеніе біографій этихъ двухъ государственныхъ дѣателей создается нѣчто чудовищное, невыразимо странное для читателя, знакомаго съ исторіей этой эпохи.

Въ бесѣдѣ съ Гохмутомъ Голицынъ замѣчаетъ, что въ 1683 году (sic), когда стрѣльцы хотѣли убить царя, онъ спасъ Петра, удалившись вмѣстѣ съ нимъ въ Троицкій монастырь. Тутъ очевидно имѣется въ виду удаленіе Петра въ Троицкій монастырь въ 1689 году. При этомъ случаѣ Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ оказалъ царю дѣйствительно существенныя услуги. Онъ былъ душою всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ въ Троицкомъ монастырѣ во время кризиса ¹⁾, между тѣмъ какъ Василій Васильевичъ Голицынъ считался посвященнымъ въ тайну заговора, составленнаго противъ жизни Петра.

Въ другомъ мѣстѣ бесѣды Голицынъ замѣчаетъ, что ему была посвящена грамматика русскаго языка, изданная въ Оксфордѣ, и что авторъ этой книги хвалитъ его за то, что онъ свободно говоритъ и пишетъ по латини. Извѣстно однако, что *Grammatica Russica* Лудольфа, напечатанная въ Оксфордѣ въ 1696 году, была посвящена Борису Голицыну.

Далѣе Голицынъ разказываетъ о своей ссылке въ Сибирь въ 1688 году (sic) и замѣчаетъ, что онъ тамъ читалъ много историческихъ книгъ. Затѣмъ, — повѣствуетъ В. В. Голицынъ о своей дальнѣйшей судьбѣ, — онъ былъ опять приглашенъ ко двору, такъ какъ Петръ не могъ считать его виновнымъ, и тутъ онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Лефортомъ и получилъ обратно большую часть конфискованныхъ у него имѣній. По случаю стрѣлецкаго бунта 1698 года онъ опять оказалъ существенныя услуги царю и занялъ опять тѣ должности, которыя были отняты у него. Однако онъ большею частью находился въ своихъ имѣніяхъ, и наконецъ, въ 1709 году, рѣшился удалиться въ монастырь, называемый „*Fralis pustinna*“.

Такова біографія Василя Голицына, разказанная имъ самимъ въ бесѣдѣ съ генераломъ Гохмутомъ. Всѣ послѣднія данныя относятся по существу не къ Василю, а къ Борису Голицыну, который умеръ въ 1714 году въ Флорищевой пустыни ²⁾.

Василій Васильевичъ Голицынъ также умеръ въ 1714 году, но никогда не возвращался изъ ссылки; онъ не только не могъ оказать никакихъ услугъ Петру во время послѣдняго стрѣлецкаго бунта, но могъ даже сдѣлаться очень опаснымъ для него, такъ какъ бунтовщики вспомнили о немъ, и на случай, еслибы царевна Софія не пожелала царствовать, имѣли въ виду возвести его на престолъ ³⁾.

¹⁾ *Гордонъ*, II, 273 и 281.

²⁾ См. соч. *Сергеевскаго* о родѣ Голицыныхъ.

³⁾ *Соловьевъ*, XIV, 271.

Еще во время пребыванія Петра въ Англіи, въ Вѣнѣ вдругъ распространился слухъ, будто въ Москвѣ произошелъ бунтъ, Василій Голицынъ освобожденъ изъ ссылки и управляетъ дѣлами и пр. ¹⁾

Смѣшеніе личностей Василя и Бориса Голицынныхъ въ этой брошюрѣ, свидѣтельствуя о крайней запутанности историческихъ воспоминаній автора, доказываетъ, что въ глазахъ иностранцевъ и тотъ, и другой играли весьма важную роль въ Россіи какъ сторонники западной цивилизаціи.

Борисъ Голицынъ, вѣроятно, далеко уступалъ своему двоюродному брату въ образованіи и въ точности обращенія съ людьми. Нѣвилль, знавшій хорошо и того, и другаго и отзывавшійся въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ о Василю Васильевичѣ, вовсе не хвалитъ Бориса Алексѣевича. Онъ говоритъ, что главнымъ удовольствіемъ Василя Васильевича была бесѣда, между тѣмъ какъ Борисъ любилъ бражничать. У Василя Голицына, когда былъ у него Нѣвилль, подали водки, но самъ хозяинъ не совѣтовалъ гостю пить ея; у Бориса Голицына, когда посѣтилъ его Нѣвилль, происходила попойка. Извѣстно, что и Русскіе называли Бориса „пьяницею“. Выстъ съ тѣмъ однако извѣстно, что и Борисъ былъ западникомъ, что онъ владѣлъ латинскимъ языкомъ и имѣлъ въ своемъ домѣ польскихъ музыкантовъ и домашнихъ учителей для своихъ дѣтей. Дѣйствительно, все это, какъ мы знаемъ изъ разказа Корба, было соединено съ нѣкоторою грубостью нравовъ; но знакомство Бориса Алексѣевича со многими иностранцами и частое посѣщеніе имъ Нѣмецкой слободы объясняетъ, какимъ образомъ нѣсколько десятилѣтій позже онъ могъ быть смѣшанъ въ наскоро набросанной брошюрѣ съ Васильемъ Васильевичемъ.

Какъ кажется, авторъ брошюры пользовался вышепомянутимъ сочиненіемъ Шлейзинга, откуда заимствованы, по всей вѣроятности, слѣдующія данныя: И у Шлейзинга, и въ „Бесѣдѣ въ царствѣ мертвыхъ“ сказано, что во время перваго Крымскаго похода самъ Голицынъ былъ виновникомъ степнаго пожара вслѣдствіе измѣнническихъ сношеній съ Татарами, съ которыми онъ будто бы тайно переписывался, и отъ которыхъ получилъ деньги. Какъ видно, тутъ смѣшиваются событія перваго Крымскаго похода (степной пожаръ) съ разпущенною по поводу втораго Крымскаго же похода молвой о томъ, что Голицынъ былъ подкупленъ Татарами. Анекдотъ, встрѣчающійся въ запискахъ Желябужскаго, о томъ, что Татары обманули Голицы-

¹⁾ См. Устряловъ, III, 98—99.

на, такъ какъ бочки съ золотомъ оказались наполненными фальшивыми монетами, повторяется и въ „Бесѣдѣ въ царствѣ мертвыхъ“. И у Шлейзинга, и въ „Бесѣдѣ“ говорится о тайныхъ сношеніяхъ Голицына съ Людовикомъ XIV, отъ котораго онъ будто бы получалъ деньги. Достойно вниманія замѣчаніе въ „Бесѣдѣ“, что во время царствования Θεодора Алексѣевича, когда Россія желала поевать съ Швеціей, Французскій король писалъ къ Голицыну и просилъ его дѣйствовать къ сохраненію мира между этими державами, и что Голицынъ исполнилъ это желаніе Людовика XIV.

Мы знаемъ, что Голицынъ имѣлъ въ Россіи много враговъ. Разказываютъ, что однажды убійца бросился къ нему въ сани и едва былъ удержанъ слугами князя; убійцу казнили въ тюрьмѣ безъ огласки. Незадолго передъ отправленіемъ въ походъ 1689 года, у воротъ голицынскихъ палатъ былъ найденъ гробъ съ запискою, въ которой было сказано, что если и этотъ походъ будетъ неудаченъ, то Голицына ожидаетъ смерть. Такъ разказывали современники. То же самое повѣствуется и въ „Бесѣдѣ въ царствѣ мертвыхъ“; о гробѣ разказано безъ украшеній; за то о покушеніи на жизнь Голицына упоминается въ самомъ преувеличенномъ видѣ, а именно говорится о трехъ стахъ заговорщикахъ, которые будто бы условились убить Голицына за его склонность къ иностранцамъ.

Не останавливаясь на другихъ подробностяхъ этой любопытной брошюры, мы считаемъ вышеприведенные примѣры достаточными для доказательства, что выдающаяся личность Василія Васильевича сдѣлалась очень скоро послѣ окончанія его политической дѣятельности предметомъ разныхъ басенъ и легендъ и преимущественно за границею

II. Брошюра о царяхъ Иванѣ и Петрѣ 1696 года.

Der dapfere Moscoviter Czaar Peter vor der eroberten Türkischen Vestung Assac, oder eihe ausführliche Beschreibung, wie solche Stadt und Vestung ehedem an die Türken gekommen, lange Zeit unter ihrer Bottmässigkeit geblieben, anizo aber von dem dapfern Czaar Peter... belägert, bestürmt und endlich preisswürdigst erobert worden. Dabey allerhand curieuse und politische Staats-Sachen über den vergangenen und izigon Moscovitischen Staat und Regierung eingemischet und ausführlich beschrieben werden. Dem curiösen Leser zu sonderbarem Gefallen in einem Gespräch an das Licht gegeben und zum Druck befördert. Im Jahr, als solche Vestung Assac erobert wurde, 1696. 4°.

Восточный вопросъ въ концѣ XVII вѣка обращалъ на себя общее вниманіе на западѣ Европы. По мѣрѣ того, какъ Россія пачинала

принимать участіе въ войнахъ съ Турціей, она сама должна была сдѣлаться болѣе прежняго предметомъ вниманія публицистовъ, занимавшихся разборомъ современныхъ политическихъ вопросовъ. По поводу Крымскихъ походовъ князя Василя Васильевича Голицына явился цѣлый рядъ брошюръ, въ которыхъ указано было на значеніе наступательнаго движенія разныхъ государствъ, въ томъ числѣ и Московскаго, на мусульманъ ¹⁾.

Съ такимъ же напряженнымъ вниманіемъ слѣдили на западѣ за успѣхами русскаго оружія во время Азовскихъ походовъ. Петръ, при этомъ случаѣ, изъ разныхъ государствъ выписывалъ инженеровъ, артиллеристовъ и состоялъ по этому предмету въ перепискѣ съ Бранденбургскимъ курфирстомъ, съ Германскимъ императоромъ и съ Венеціанскою республикою. Взятіе Азова произвело довольно глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Въ Италіи сочинялись стихи по поводу этого событія. За то въ Польшѣ многіе были крайне недовольны успѣхами Петра и предвидѣли будущій перевѣсъ Московскаго царя ²⁾.

Читая заглавіе брошюры „Der dapfere Moscoviter“, можно бы подумать, что въ ней заключается подробное изложеніе событій при взятіи Азова, и что вообще эта книжка представляетъ собою панегирикъ, посвященный славі Петра. Оказывается на самомъ дѣлѣ совсѣмъ иное. Вопервыхъ, на этихъ 86-ти страницахъ in 4°, почти вовсе не говорится о покореніи Азова; исторіи осады этой крѣпости посвящено не болѣе двухъ страницъ. Вторыхъ, о Петрѣ говорится не въ тонѣ похвалы, а въ духѣ порицанія. Главнымъ содержаніемъ брошюры служитъ государственный переворотъ 1689 года, и притомъ образъ дѣйствій Петра осуждается въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Вообще эта брошюра есть ничто иное какъ почти полное воспроизведеніе явившагося еще въ 1691 году сочиненія: „Morphei Moscovitische Schaubühne oder des träumenden Rationis Status curiose und politische Schwätz-Gesichter über den gegenwärtigen statum Moscau. Herausgegeben von Triniphilo Nugaeserio Freymund“ ³⁾. Другими словами, брошюра „Der dapfere Moscoviter“ есть просто издательская спекуляція, и въ то же время, памфлетъ противъ Петра.

И это сочиненіе написано въ формѣ бесѣды, въ которой участву-

¹⁾ См. *Минцловъ*, 225—230.

²⁾ См. *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 236 и слѣд.: донесенія Никитина.

³⁾ *Минцловъ*, 209—210.

ить семь собесѣдниковъ, а именно: польскій дворянинъ, московскій бояринъ, изгнанный изъ Венгріи пасторъ, венеціанскій купецъ, малороссійскій казакъ, молодой Нѣмецъ знатной фамиліи и его наставникъ. Разговоръ происходитъ въ одномъ прусскомъ городѣ, гдѣ вышеупомянутыя лица случайно встрѣтились въ гостинницѣ. И изъ этой бесѣды о событіяхъ, совершившихся въ 1689 году въ Московскомъ государствѣ точно также, какъ изъ письма о катастрофѣ Голицына, видно, что за границею весьма мало знали о московскихъ событіяхъ этого времени. Тутъ прямо разказывается, что царь Петръ велѣлъ умертвить свою сестру, бывшую регентшу Софію, и своего брата царя Ивана.

Взглядъ московскаго боярина относительно этого событія рѣзко отличается отъ мнѣнія польскаго дворянина. Послѣдній осуждаетъ Петра за убіеніе Софіи и Ивана, доказывая, что Петръ не имѣлъ ни малѣйшаго повода къ совершенію столь ужаснаго преступленія, не говоря ужъ о томъ, что онъ не имѣлъ права лишить жизни своихъ ближайшихъ родственниковъ. Московскій бояринъ, сторонникъ Петра, напротивъ утверждаетъ, что Петру нечего заботиться о народной молвѣ. Достоинно вниманія замѣчаніе московскаго боярина, что вообще устройство въ Россіи временнаго двоевластія было ошибкою. Создать, какъ онъ выражается, — „*corpus biceps monstrosum*“ значило подвергнуть государство ужаснымъ опасностямъ. Противъ такого положенія возстаютъ ученый гофмейстеръ молодаго нѣмецкаго кавалера и указываетъ на многіе примѣры двоевластія въ исторіи. Чрезвычайно любопытенъ антагонизмъ между Полякомъ и Русскими. Польскій дворянинъ, сильно нападающій на Петра, высказываетъ, между прочимъ, довольно странное предположеніе, будто Петръ, рѣшаясь на убіеніе Софіи и Ивана, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ французскаго двора. Московскій бояринъ и малороссійскій казакъ, въ свою очередь рѣзко осуждаютъ образъ дѣйствій польскаго правительства въ отношеніи къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турокъ и Татаръ. Вообще же Русскіе, защищая Петра, остаются въ меньшинствѣ. Всѣ остальные собесѣдники весьма неблагоприятно отзываются о Московскомъ царѣ. Нѣмецкій учитель, постоянно указывающій на примѣры исторіи и приводящій въ изобиліи цитаты изъ сочиненій классическихъ писателей древности, въ заключеніе ссылается на слова Плутарха въ его „Бесѣдѣ семи мудрецовъ“, что тираны рѣдко доживаютъ до глубокой старости, и что Русскіе, относительно Петра, по всей вѣроят-

ности, должны будутъ испытать правило Фаберія ¹⁾: „Quod malorum principum aut nullus debeat esse dominatus, aut brevis“.

Такимъ образомъ, на западѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ кругахъ общества, полагали, что Петръ въ 1689 году путемъ убійства избавился отъ сестры и брата, и что онъ царствовалъ одинъ. Последнее было справедливо. Софія не могла мѣшать ему царствовать, такъ какъ находилась въ монастырѣ подъ строгимъ надзоромъ. Иванъ, оставаясь номинально царемъ, не имѣлъ ни малѣйшаго значенія. Въ запискахъ Желябужскаго, столь добросовѣстно слѣдившаго за всѣми публичными зрѣлищами и обрядами, даже вовсе не упомянуто о погребеніи царя Ивана, хотя нѣсколькими днями раньше онъ говоритъ: „генваря 6, въ Богоявленіе въ день, государю царю и великому князю Іоанну Алексѣевичу былъ на воду выходъ“. А затѣмъ только краткая замѣтка: „На Москвѣ учинилась всемірная печаль: не стало великаго государя царя и великаго князя Іоанна Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца“. Иванъ какъ-то тихо, безслѣдно сошелъ со сцены.

Любопытно, что не только за границею ходили разные ложные слухи на счетъ царя Ивана, но что и въ Россіи были въ народѣ распространяемы разныя басни о немъ. Чѣмъ сильнѣе развивалось общее неудовольствіе противъ реформъ Петра, его крутаго образа дѣйствій по случаю стрѣлецкаго бунта 1698 года, брадобритія и введенія иноземной одежды, тѣмъ болѣе надеждъ народъ возлагалъ на царя Ивана или на царевича Алексѣя. Въ 1704 году одинъ монахъ въ бесѣдѣ съ ладожскимъ стрѣльцомъ Александромъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Какой опъ—Петръ—намъ, христіанамъ, государь? Онъ не государь, Латынь: поста никогда не имѣеть; онъ льстець, антихристъ... стрѣльцовъ онъ всѣхъ переказнилъ за то, что они его еретичества знали, а они, стрѣльцы, прамые христіане были, а не бусурманы; а солдаты всѣ бусурманы, поста не имѣютъ; прамого государя христіанскаго, царя Іоанна Алексѣевича, извелъ онъ же, льстець“, и проч. ²⁾. Значитъ, существовало предположеніе, что Петръ былъ виновникомъ кончины царя Ивана. Но относительно послѣдняго ходили въ народѣ еще иные слухи. Въ 1701 году были

¹⁾ Въ XVI вѣкѣ было нѣсколько ученыхъ этого имени. Одинъ Фаберій былъ знаменитымъ юристомъ, другой написалъ комментаріи къ нѣкоторымъ сочиненіямъ Аристотеля, третій, ректоръ школы въ Эрфуртѣ, создалъ «Thesaurus eruditionis scholasticae».

²⁾ Соловьевъ, XV. 135.

взяты въ Преображенскій приказъ нѣкоторые донскіе казаки. Одинъ изъ нихъ, Левка Сметанинъ, говорилъ: „Царь Иванъ Алексѣевичъ живъ и живетъ въ Іерусалимѣ для того, что бояре воруютъ; царь Петръ полюбилъ бояръ, а царь Иванъ чернь полюбилъ. Сказывалъ Левкѣ про царя Ивана пришлый человекъ Авилка, который живетъ на рѣкѣ Калитвѣ Бѣлой, впадающей въ Донецъ; пришелъ Авилка изъ Іерусалима, и донскіе казаки почитаютъ его за святаго“¹⁾. Если уже въ самой Россіи вѣрили такимъ баснямъ объ убіеніи царя Ивана Петромъ или о бѣгствѣ царя Ивана въ Іерусалимъ, то нечего удивляться распространенію подобныхъ неблицъ въ Германіи.

Однако въ разказахъ о насильственной смерти Ивана, помѣщенныхъ въ вышеприведенныхъ брошюрахъ 1691 и 1696 годовъ, замѣчательно то, что они сочинены до возвращенія Петра изъ-за границы, до стрѣльцкихъ казней, обнаруживавшихъ страшно-деспотическій нравъ Петра, до пововеденій, казавшихся народу треклятою ересью. Значить, уже очень скоро послѣ государственнаго переворота 1689 года Петръ заслужилъ себѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, репутацію деспота, человека, готоваго для политическихъ цѣлей жертвовать основными началами нравственности. Значить, противъ Петра существовало какое-то предубѣжденіе. Его считали способнымъ умертвить Софію и Ивана въ то время, когда онъ и не думалъ казнить сестру, когда онъ обращался къ брату Ивану со словами: „Я тебя, государя брата, яко отца почитать готовъ“. Что касается до Софіи, то нѣсколько позже, по случаю стрѣлецкаго розыска 1698 года, разказывали, будто Петръ, до крайности раздраженный противъ Софіи, намѣревался собственноручно казнить ее. Такъ писалъ австрійскій посолъ Гваріентъ къ императору Леопольду²⁾. Впослѣдствіи, во второй половинѣ XVIII вѣка эти слухи были повторяемы съ разными прикрасами въ анекдотахъ Штелина. За то о намѣреніи Петра убить Софію въ 1689 году мы нигдѣ не находимъ хотя бы и малѣйшаго намека. Только тогда, когда Софія рѣшилась, въ послѣднихъ числахъ августа, отправиться въ Троицкую лавру, чтобы помириться съ Петромъ, послѣдній чрезъ боярина Троекурова приказалъ ей не идти къ монастырю и далъ ей знать, что если она будетъ упорствовать, въ случаѣ дерзновеннаго прихода ея, „съ нею поступлено будетъ нечестиво“³⁾.

¹⁾ Соловьевъ, XV, 162.

²⁾ См. Устряловъ, III, 630.

³⁾ См. Устряловъ, II, 67.

Впрочемъ, и въ другихъ современныхъ сочиненіяхъ встрѣчаются довольно странныя разказы объ отношеніяхъ царей Ивана и Петра другъ къ другу. Укажемъ, напримѣръ, на сочиненіе Юрдана: *Voyages historiques de l'Europe*, явившееся въ первомъ изданіи въ Парижѣ въ 1698 году, а въ нѣмецкомъ переводѣ въ Лейпцигѣ, въ 1699 г. ¹⁾. Тутъ, между прочимъ, разказано, что Иванъ родился слѣпымъ, что оба брата сначала царствовали мирно и дружно, но затѣмъ царица Софія убѣдила царя Ивана, что Петръ его не любитъ. Царю Ивану вообще, говорится далѣе,—внушили мысль, что по настоящему онъ одинъ имѣетъ право на престолъ, и что его необыкновенныя умственныя способности даютъ ему еще особенное преимущество надъ младшимъ братомъ. Далѣе говорится, впрочемъ довольно кратко, о государственномъ переворотѣ 1689 года, при чемъ Петръ опять-таки является какимъ-то извергомъ, который будто бы „велѣлъ умертвить всѣхъ приверженцевъ своего брата“.

Вообще, двоевластіе интересовало иностранцевъ. Уже до 1689 г. ожидали кризиса при столь сложномъ устройствѣ государства. Дѣль Волковъ, отправленный посланникомъ въ Венецію, объявилъ тамъ, что съ великими государями соцарствуетъ сестра ихъ, великая государыня Софія Алексѣевна. Одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ: „Домъ и весь сенатъ удивляются, какъ служатъ ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ“. Волковъ отвѣчалъ, что подданные всѣхъ трехъ персонъ повелѣніе исполняютъ ²⁾.

Послушаніе подданныхъ повелѣніямъ „трехъ персонъ“ обуславливалось согласіемъ между послѣдними, на которое не всегда можно было рассчитывать. Возможность несогласія предвидѣлась нѣкоторыми современниками. Въ любопытномъ сочиненіи Шлейзинга: *Anatomia Russiae deformatae, d. i. Beschreibung des Mosskoviter oder Reusslands, wie es sich anjetzo unter Regierung zweener Zaaren oder Gross-Fürsten Iwan und Peter Alexewiz, als Herren Gebrüder eigentliche befindet*, изданномъ въ Циттау въ 1688 году, встрѣчается любопытный разговоръ между двумя лицами, наблюдавшими будто за ходомъ дѣлъ въ Московскомъ государствѣ ³⁾. Констансъ спраши-

¹⁾ См. библиографическія свиданія объ этой книгѣ въ сочиненіи *Минцлова*, стр. 6—7.

²⁾ *Оловесовъ*, XIV, 118.

³⁾ О трудахъ Шлейзинга вообще см. библиографическія замѣтки у *Минцлова*, стр. 111—117.

ваетъ своего собесѣдника Филандра, царствуютъ ли оба брата въ добромъ согласіи или нѣтъ, а Филандръ возражаетъ: „Такъ себѣ, пока все хорошо, потому что всѣ дѣла рѣшаются царевною Софіей по соглашенію съ боярами“. Затѣмъ однако выражается сомнѣніе въ прочности такого государственнаго устройства и предположеніе, что царенинѣ Софіи придется удалиться въ монастырь, такъ какъ юный царь Петръ, по достиженіи совершеннолѣтія, непременно дастъ совсѣмъ другой оборотъ всему государственному строю. Послѣ этого Копстасъ спрашиваетъ, кого изъ двухъ царей подданные любятъ болѣе, на что Филандръ возражаетъ: „Чернь можетъ считаться приверженцемъ старшаго царя, бояре же—приверженцы младшаго“. Знаменательно прибавленное къ этому замѣчанію заключеніе: „Каждый благоразумный человѣкъ можетъ разсудить, что должно воспослѣдовать въ ближайшемъ будущемъ“.

Въ другомъ сочиненіи Шлейзинга же, напечатанномъ немного позже, а именно въ 1693 году: *Derer beyden Zaaren in Reussland Ivan und Peter Alexewiz, nebst dero Schwester der Prinzessin Sophia bishero dreifach geführter Regimentsstab* и проч., говорится о безпорядкахъ, происходившихъ до 1689 года ¹⁾, о совершенной неспособности царя Ивана участвовать въ дѣлахъ и о любви Петра къ иностранцамъ, которая непременно должна будетъ имѣть слѣдствіемъ большое возстаніе Русскихъ.

III. Отзывы иностранцевъ по поводу путешествія Петра за границу.

Мысль Петра отправиться въ западную Европу должна была надѣлать много шума въ разныхъ странахъ. Чѣмъ охотнѣе тогда занимались Россіей, чѣмъ болѣе рассчитывали на содѣйствіе Московскаго царя въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Оттоманской Порты, чѣмъ чаще являлись популярныя сочиненія о Россіи, тѣмъ болѣе въ различныхъ кругахъ западно-европейскаго общества обращали вниманіе на путешествіе Петра.

Знаменитый философъ Лейбницъ въ то время весьма дѣятельно переписывался съ разными лицами о Россіи. Онъ ожидалъ отъ дальнѣйшаго успѣшнаго развитія Россіи богатыхъ результатовъ и для западно-европейской цивилизаціи. Такъ напримѣръ, онъ рассчитывалъ при содѣйствіи русскаго правительства на весьма важныя успѣхи въ

¹⁾ Въ предисловіи: «Man wusste nicht wer Koch und wer Kellner ist».

области сравнительнаго языкованія, археологіи, исторіи, и въ естественныхъ наукахъ. Далѣе, онъ считалъ возможнымъ, что Россія положитъ конецъ существованію Турецкой имперіи въ Европѣ. Было время, когда Лейбницъ считалъ Россію весьма опаснымъ для Европы государствомъ; Русскихъ онъ когда-то въ молодости называлъ „сугубыми Турками“. Впослѣдствіи, однако онъ перемѣнилъ свое мнѣніе относительно Россіи и въ особенности надѣялся на Петра, какъ на распространителя въ Россіи главныхъ началъ западно-европейской культуры. Съ большимъ вниманіемъ Лейбницъ слѣдилъ за Азовскими походами, и съ еще большимъ удовольствіемъ узналъ онъ о намѣреніи Петра предпринять путешествіе въ Европу ¹⁾.

О поводахъ къ путешествію Петра тогда толковали много и различно. На этотъ счетъ весьма любопытны открытыя недавно въ Вѣнскомъ архивѣ отрывы о побужденіяхъ Петра при поѣздкѣ за границу.

Въ Вѣнскомъ архивѣ найденъ М. Поссельтомъ, составителемъ біографіи Франца Лефорта, на латинскомъ языкѣ написанный и относящійся, какъ кажется, къ 1698 году документъ, въ которомъ разказаны многія подробности о бояринѣ Шереметевѣ. Эта записка, по всей вѣроятности, была составлена въ Москвѣ въ то время, когда тутъ находился императорскій посоль Гваріентъ. Въ бумагахъ этого посольства, въ свитѣ котораго былъ извѣстный авторъ сочиненія: *Diarium in Moscoviam*, Корбъ, найдена эта записка, изъ которой мы заимствуемъ лишь тѣ замѣчанія, которыя относятся къ путешествію Петра. Тамъ сказано слѣдующее:

„Когда четыре года назадъ царь возвратился изъ Архангельска, его однажды угостилъ торжественнымъ образомъ Шереметевъ. При этомъ случаѣ Петръ въ присутствіи бояръ сказалъ Шереметеву: „Отправляясь изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь, я едва не потерпѣлъ кораблекрушенія; тогда я далъ обѣтъ Богу и покровителю моего корабля св. Петру посѣтить могилу послѣдняго въ Римѣ. Ты, Борисъ Петровичъ, бывалъ въ тѣхъ странахъ: разкажи намъ о состояніи городовъ и мѣстностей того края“. Когда Шереметевъ кончилъ свой разказъ, въ которомъ онъ восхвалялъ пріятность и прелесть западно-европейскихъ странъ, царь замѣтилъ: „Ты долженъ съ нѣкоторыми другими быть моимъ спутникомъ; какъ скоро я только справлюсь съ Турками, я тотчасъ же исполню свое намѣ-

¹⁾ См. соч. Гедде: *Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen*. S.-Petersburg und Leipzig, 1873, стр. 1—8.

реніе".... Тогда покойная мать царя старалась убѣдить его въ неудобствѣ такого путешествія. Чтобы подѣйствовать на царя, нѣкоторые раскольники ложными разказами старались возбудить ненависть Петра противъ католической вѣры и особенно противъ Рима. Но Петръ замѣтилъ: „Матушка, еслибъ я не уважалъ тебя, я выразился бы очень рѣзко. Знай, однако, что если кто напередъ вздумаетъ перечить мнѣ, тотъ непременно долженъ будетъ умереть, будь онъ даже однимъ изъ лучшихъ моихъ друзей“. Такая рѣчь погрузила всѣхъ присутствующихъ въ крайнюю печаль; особенно же горевалъ Шереметевъ, такъ какъ его считали виновникомъ этого путешествія¹⁾.

Въ какой мѣрѣ этотъ разказъ имѣетъ характеръ выдумки, басни, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: Наталья Кирилловна, воставшая будто противъ намѣренія Петра отправиться за границу, скончалась еще въ началѣ 1694 года, а лишь нѣсколькими мѣсяцами позже, именно въ іюлѣ 1694 года, Петръ подвергся опасности по случаю своей отважной поѣздки по Бѣлому морю. Значить, мать Петра не могла быть недовольна обѣтомъ послѣдняго отправиться въ Римъ. Да и вообще обѣтъ поклониться мощамъ св. Петра въ Римѣ не соответствовалъ бы вовсе характеру религіозности царя. Путешествіе его имѣло чисто свѣтское значеніе. Онъ, правда, намѣревался отправиться и въ Римъ, но изъ италіанскихъ городовъ, которые желалъ посѣтить Петръ, Римъ не имѣлъ для него такого значенія, какъ Венеція. За то нельзя не вспомнить, что путешествіе самого Бориса Петровича, предпринятое одновременно съ поѣздкою Петра, дѣйствительно имѣло то религіозное значеніе, которое въ вышепомянутой запискѣ приписывалось путешествію Петра. По крайней мѣрѣ, самъ Шереметевъ въ торжественной аудіенціи у Польскаго короля въ Краковѣ разказывалъ о побѣдахъ русскаго оружія надъ Турками, о взятіи имъ турецкихъ городовъ на Днѣпрѣ, и затѣмъ продолжалъ: „Подъ часъ же оныхъ надъ непріателемъ Креста Святаго многократныхъ побѣдъ имѣлъ я за патроновъ и крѣпко надежныхъ помощниковъ Божіихъ, верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, и далъ обѣщаніе ѣхать въ Римъ и поклониться честнымъ мощамъ ихъ верховныхъ апостоловъ“. То же самое говорилъ Шереметевъ на аудіенціяхъ у императора Леопольда I, у папы и у кавалеровъ Мальтійскаго ордена²⁾.

¹⁾ См. соч. *Поселъта о Лесортѣ*, II, 565.

²⁾ См. Записку путешествія графа В. П. Шереметева, Москва, 1773.

Изъ разказа, найденнаго въ Вѣнскомъ архивѣ, выходитъ, что Шереметевъ разказывалъ Петру о томъ, что онъ видѣлъ въ Италіи. Въ Италіи однако Шереметевъ не былъ до 1697 года. Онъ въ 1686 г. былъ въ Вѣнѣ для сообщенія императору Леопольду о заключеніи договора между Московскимъ государствомъ и Польшею. Поэтому его разказы могли ограничиваться лишь описаніемъ состоянія Польши и Австріи.

Какъ кажется, басня о религіозномъ поводѣ къ поѣздкѣ Петра за границу объясняется недоразумѣніемъ, смѣшеніемъ религіознаго значенія путешествія Шереметева съ поѣздкою Петра. Предположеніе о намѣреніи царя поклониться святымъ мѣстамъ могло считаться весьма выгоднымъ для представителей католицизма. Мы знаемъ, какъ въ Вѣнѣ и въ Римѣ ухаживали за Шереметевымъ іезуиты; во время пребыванія Петра за границею не разъ распространялись слухи о склонности Петра къ католической вѣрѣ. Распространеніе слуха о мнимомъ намѣреніи Петра поклониться мощамъ св. апостола соотвѣтствовало видамъ іезуитовъ.

Довольно странный отзывъ о причинѣ поѣздки Петра за границу встрѣчается въ депешѣ австрійскаго дипломатическаго агента Оттона Плейера отъ 6-го августа 1697 года. Говоря о всеобщемъ неудовольствіи относительно путешествія Петра, Плейеръ замѣчаетъ: „Можно полагать, что отправление посольства (въ свитѣ котораго находился самъ царь) есть ничто иное какъ только средство для доставленія царю возможности высвободиться на нѣкоторое время изъ Россіи и погулять немного; важной цѣли тутъ нѣтъ вовсе“¹⁾. Этотъ отзывъ заключаетъ въ себѣ доказательство того, что въ извѣстныхъ кругахъ московскаго общества не понимали или не хотѣли понимать настоящихъ цѣлей путешествія Петра. Въ то самое время, когда онъ работалъ, учился, хлопоталъ о созданіи флота, необходимаго для борьбы съ Турками, его обвиняли въ томъ, что онъ ѣдетъ за границу лишь ради удовольствія, развлеченія, отдыха. Не пустою прогулкою была поѣздка Петра, и характеръ ея вполне соотвѣтствовалъ надписи на печати царя, которая представляла молодаго плотника, окруженнаго корабельными инструментами и военными орудіями: „азъ бо есмь въ чину учимыхъ, и учащихъ мя требую“.

О побужденіяхъ, заставившихъ Петра отправиться за границу, упомянуто въ разныхъ изданіяхъ, современныхъ этому путешествію.

¹⁾ Устряловъ, III, 640.

Съ какимъ вниманіемъ за границею слѣдили за этою поѣздкою царя, мы видимъ изъ слѣдующихъ заявленій, на который мы укажемъ поочередно.

1. Диспутъ въ Торнѣ.

Въ то время, какъ Петръ, вслѣдствіе опасности, грозившей ему со стороны стрѣльцовъ, уже находился на возвратномъ пути въ Россію, а именно 13-го августа 1698 года, въ городѣ Торнѣ или Торунѣ, въ гимназій происходилъ диспутъ, предметомъ котораго служило путешествіе Петра за границу. Нѣкто Іоганъ Циммерманъ изъявилъ готовность защищать выставленныя имъ шесть положеній, въ которыхъ онъ разсуждалъ о причинахъ поѣздки Петра. Заглавіе сочиненія, послужившаго основой для диспута, слѣдующее:

Conjecturae aliquot politicae de susceptis Magni Moscoviae Ducis Petri Alexiwi per varias Europae Provincias Itineribus, Praeside Weudio, Gymnasii Tuorun. Rect. et Prof. Publ. ad discurrendum propositae a Johanne Czimmermanno. Thorun dubitandi provinciam in se suscipientibus: Davide Schmidio, Stolpa Pomer. Georgio Aursbach, Olsna-Silesio et Georgio Meyer, Regiomantano Bor. A. D. 13 Aug. N. L. Q. S. A. Chr. MDCXC¹⁾.

О томъ, какъ происходилъ диспутъ и какія возраженія были сдѣланы диспутанту тремя названными оппонентами, мы ничего не знаемъ. Содержаніе же тезисовъ показываетъ, что авторъ ихъ вполне умѣлъ цѣнить значеніе путешествія Петра для Россіи. Въ первомъ положеніи сказано: „По настояще время Русскіе пребывали во тьмѣ невѣжества; нынѣ же царь Петръ введетъ въ Россію искусства и науки и этимъ самымъ сдѣлается знаменитымъ государемъ“. Во второмъ положеніи указано на разные фазисы путешествія Петра; въ Пруссіи, сказано тутъ,—царь бесѣдовалъ съ Бранденбургскимъ курфирстомъ о политикѣ, въ Голландіи онъ видѣлъ старинные города и ознакомился съ началами кораблестроенія, въ Англіи онъ посѣщалъ мастерскія, въ которыхъ дѣлаются огнестрѣльные оружія, въ Германіи онъ имѣлъ случай видѣть военное устройство. Нельзя не думать, что царь захочетъ ввести многое видѣнное имъ и въ Россіи.—Въ Вѣнѣ—замѣчено въ третьемъ тезисѣ,—Петръ осматривалъ

¹⁾ Мы видѣли эти тезисы въ Имп. Публ. библиотекѣ. По ошибкѣ въ сочиненіи *Минцлова* авторомъ тезисовъ считается не Циммерманъ, а ректоръ гимназій Вендъ; см. I. с., стр. 689.

при дворѣ разныя великолѣпныя вещи и обновилъ союзъ съ императоромъ противъ мусульманъ; тамъ на царя, безъ сомнѣнія, должны были подѣйствовать роскошь и великолѣпіе и очаровательная пышность церемоніала; тамъ онъ участвовалъ въ придворныхъ празднествахъ. Затѣмъ, въ четвертомъ положеніи авторъ выражаетъ надежду, что царь, слѣдуя примѣру Ивана Васильевича (Грознаго), наконецъ выгонитъ Турокъ и Татаръ изъ Крымскаго полуострова. Въ пятомъ тезисѣ говорится о намѣреніи царя отправиться и въ Италію, между прочимъ, и въ Римъ, при чемъ упоминается объ антагонизмѣ между католицизмомъ и Московскимъ государствомъ. Русскіе, замѣчаетъ авторъ,—не осповательно не принимаютъ на службу католиковъ. Въ послѣднемъ положеніи сообщается краткій очеркъ русской исторіи, указывается на пресѣченіе Рюриковой династіи въ 1597 (sic) году и на послѣдовавшее затѣмъ многомятежное смутное время. Писавъ же, заключаетъ авторъ,—Россія пріиметъ совершенно иной видъ, посвящая себя изученію искусствъ мира и войны. Громко и въ пышно-риторическихъ выраженіяхъ поздравляя Московское государство съ такою переменою, авторъ выражаетъ надежду, что сбудутся всѣ его на этотъ счетъ предсказанія.

Въ томъ же самомъ панегирическомъ духѣ написана краткая брошюра, явившаяся по поводу пребыванія Петра весною 1698 года въ Дрезденѣ. Чрезвычайно длинное заглавіе этого сочиненія можно видѣть въ книгѣ г. Минцлофа (стр. 234—235). Авторомъ его былъ нѣкто Вольфгангъ Теодорихъ Венделъ, безъ сомнѣнія, духовное лицо. Тутъ сообщенъ портретъ Петра, далѣе слѣдуютъ разныя разсужденія о вѣрѣ Москвитянъ и о сходствѣ ея съ протестантизмомъ, съ католицизмомъ и пр. Въ заключеніе выражена надежда, что царь никогда не перестанетъ содѣйствовать просвѣщенію подданныхъ и на будущее время.

2. Разказъ Бломберга о пребываніи Петра въ Митавѣ.

Каково было впечатлѣніе, произведенное Петромъ и его спутниками на лицъ, вступавшихъ съ ними въ сношенія, мы узнаемъ изъ весьма любопытныхъ замѣчаній одного Лифляндца, барона Х. I. Бломберга, случайно находившагося въ Митавѣ въ то время, когда тамъ пребывали русскіе путешественники.

Пробывъ въ Ригѣ съ недѣлю и недовольный оказаннымъ ему тамъ пріемомъ, Петръ отправился въ столицу Курляндскаго герцога

Фридриха-Казимира. То обстоятельство, что герцогъ до своего вступленія на престолъ въ юныхъ лѣтахъ находился въ весьма дружескихъ отношеніяхъ въ Лефорту, можетъ быть, содѣйствовало особенно радушному приему, оказанному Петру въ Митавѣ. Фридрихъ-Казимиръ познакомился съ Лефортомъ въ семидесятыхъ годахъ въ Голландіи. Оба они участвовали тогда вмѣстѣ въ разныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, между прочимъ по случаю осады крѣпости Уденарда (Oudensarde); Лефортъ даже имѣлъ тогда намѣреніе занять мѣсто секретаря при наследникѣ курляндскаго престола. Съ тѣхъ поръ прошло около двадцати-пяти лѣтъ. Фридрихъ-Казимиръ сдѣлался между тѣмъ царствующимъ герцогомъ, Лефортъ—любителемъ царя Московскаго ¹⁾).

Какъ бы то ни было, Петръ во время своего трехнедѣльнаго пребыванія въ Курляндіи, какъ кажется, чувствовалъ себя особенно хорошо, не соблюдалъ инкогнито, дружески бесѣдовалъ не разъ съ герцогомъ Курляндскимъ, познакомился также и съ герцогинею. Фридрихъ-Казимиръ не щадилъ денегъ для угощенія царя и истратилъ при этомъ случаѣ довольно значительную сумму. Достоинно вниманія и то обстоятельство, что Петръ во время своего пребыванія въ Митавѣ занимался плотничьею работою. До новѣйшаго времени въ Митавѣ показывали отесанное царемъ бревно, имѣющее 11 сажень длины ²⁾).

Еще болѣе достоенъ вниманія разказъ Бломберга, доказывающій, что Петръ въ Митавѣ даже въ обращеніи съ частными лицами не соблюдалъ инкогнито и весьма развязно и свободно бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ.

Вскорѣ послѣ встрѣчи съ Петромъ въ Митавѣ Бломбергъ переселился въ Англію. Тамъ явилось его сочиненіе: *An account of Livonia with a relation of the rise, progress and decay of the Marian Teutonic Order. A particular account of the dukedoms of Courland, Semigallia and the province of Pilten. London. 1701* ³⁾).

¹⁾ *Posselt*, II, 387.

²⁾ См. подробныя, заимствованныя изъ курляндскихъ архивовъ данныя о доставленныхъ русскимъ путешественникамъ съѣстныхъ припасовъ и о плотничьей работѣ Петра въ статьѣ барона Клопманна: *Peters des Grossen Anwesenheit in Curland* въ *Запискахъ Курл. Общества литературы и искусствъ* 1847 г., тетр. 2.

³⁾ Французскій переводъ этой книги явился въ 1705 году, а второе изданіе перевода въ 1706 году.

Авторъ въ пятнадцатой главѣ своего сочиненія прерываетъ свой подробный разказъ о судьбахъ Тевтонскаго ордена слѣдующимъ образомъ: „Тутъ и долженъ позволить себѣ нѣкоторое отступление и сообщить вамъ ¹⁾ о совершенно новомъ явленіи, показавшемся съ крайняго сѣвера. Я говорю о великомъ посольствѣ Московскаго царя, при которомъ онъ самъ находится, соблюдая инкогнито“. Затѣмъ слѣдуютъ подробныя данныя о Лефорть, стоявшемъ во главѣ посольства. О значеніи и вліяніи этого любимца Петра сказано, что царь, слѣдуя внушенію Лефорта рѣшился въ свитѣ послѣдняго посѣтить нѣкоторые изъ важнѣйшихъ дворовъ западной Европы. Вся инициатива путешествія, по мнѣнію Бломберга, принадлежала исключительно Лефорту, который, какъ сказано далѣе, былъ и виновникомъ осады и взятія Азова и вообще возбуждалъ въ царѣ желаніе совершить славныя подвиги. При этомъ впрочемъ говорится подробно о попойкахъ Лефорта и царя и о томъ, какъ щедро угощали царя на этотъ счетъ въ Курляндіи ²⁾. О степени довѣрія царя, которымъ пользовался Лефорть, Бломбергъ пишетъ, что Петръ предоставилъ Лефорту веденіе всѣхъ дѣлъ и совершенно подчинился его распоряженіямъ.

Отзывъ Бломберга о спутникахъ царя вообще, за исключеніемъ Лефорта и иностранцевъ, весьма неблагоприятенъ. „Хотя“, замѣчаетъ онъ,—„свита посланниковъ состоитъ изъ людей избранныхъ, не трудно открыть въ ихъ нравахъ варварскіе приемы. Нѣмецкіе и французскіе офицеры, находящіеся въ свитѣ пословъ, считаютъ преобразование Русскихъ невозможнымъ, такъ какъ этотъ народъ слишкомъ упрямъ и глупъ, и потому называютъ Русскихъ „крещеными медвѣдями“ (des ours baptisés). Но все-таки царь очень желаетъ усовершенствовать свой народъ и для этой цѣли онъ предпринялъ это путешествіе. Царь рѣшился ввести нѣмецкіе порядки и брандобритіе“.

Послѣднее замѣчаніе, быть можетъ, писано послѣ возвращенія Петра изъ-за границы и послѣ первыхъ мѣръ преобразователя относительно одежды и брандобритія. Сочиненіе Бломберга явилось въ 1701 году; вообще разказъ его составленъ въ 1697 году; въ концѣ

¹⁾ Сочиненіе имѣетъ форму писемъ.

²⁾ () Лефорть Бломбергъ замѣчаетъ: «Ует it (drinking) never overcomes him but he always continues Master of his reason»... Объ угощеніи (стр. 295): «open Tables were kept owery where with Trumpets and Musick, attended with Feasting, and excessiwe Drinking all allong, as if his Czarich Majesty had been another Bacchus. I have not seen get such hard Drinkers; tis not possible to express it and they boast of it as a mighty Qualification».

его сказано: „Вы, впрочемъ, еще услышите о Петрѣ, такъ какъ онъ отсюда намѣренъ отправиться въ Голландію и въ Англію для свиданія съ королемъ Вильгельмомъ III“.

Что авторъ лично бесѣдовалъ съ Петромъ, можно заключить изъ слѣдующаго эпизода. Бломбергъ пишетъ: „Онъ (царь) разказалъ намъ слѣдующую исторію: Когда умеръ послѣдній патріархъ Московскій, онъ желалъ назначить на это мѣсто человека ученаго, который много путешествовалъ и говорилъ по латыни, по италіански и по французски; но Русскіе шумнымъ образомъ умоляли царя не назначать такого человека, а именно по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, потому что онъ зналъ варварскіе языки, во вторыхъ—что его борода не была достаточно велика и не соотвѣтствовала сану патріарха; въ третьихъ—что его кучеръ сидѣлъ обыкновенно на козлахъ, а не на лошади, какъ требуетъ обычай“.

На первый взглядъ этотъ разказъ Бломберга можетъ показаться чрезвычайно страннымъ. Неужели, царь въ бесѣдѣ съ людьми почти вовсе незнакомыми ему, случайно встрѣтятся съ иностранцами, могъ сообщить имъ о столь важномъ эпизодѣ въ такой мѣрѣ откровенно и безцеремонно? Неужели онъ могъ выставить въ столь невыгодномъ свѣтѣ своихъ подданныхъ, указать на ихъ ограниченность и суевѣріе? Прежде всего нельзя не спросить однако: соотвѣтствуетъ ли разказъ Петра, воспроизведенный Бломбергомъ, фактамъ? Подтверждаетъ ли этотъ разказъ показаніями другихъ источниковъ?

Патріархъ Іоакимъ умеръ весною 1690 года. Тогда-то на его мѣсто и былъ избранъ митрополитъ Казанскій Адріанъ. О подробностяхъ его избранія мы имѣемъ свѣдѣнія изъ весьма достовернаго источника, а именно изъ дневника Патрика Гордона.

Гордонъ пишетъ: „5-го іюля большая часть духовенства имѣла совѣщаніе о выборѣ патріарха. Знатнѣйшіе были того мнѣнія, что слѣдуетъ выбрать Псковскаго митрополита Маркелла, ученаго и образованнаго человека; менѣе знатныя духовныя лица были противъ Маркелла“. Двумя недѣлями позже вопросъ былъ рѣшенъ слѣдующимъ образомъ, какъ видно изъ замѣчаній Гордона: „Въ день св. Пли, 20-го іюля, ожидали избранія и посвященія патріарха. Но такъ какъ не было согласія относительно лица достойнаго занять это мѣсто, и такъ какъ не было никакой возможности примирить между собою различныя, существовавшія на этотъ счетъ партіи, выставившія кандидатами митрополита Псковскаго Маркелла и митрополита Казанскаго Адріана, выборъ сначала не состоялся. Царь Петръ Алек-

сѣвичъ и многія знатныя духовныя лица были на сторонѣ Маркелла; царица Наталія Кирилловна съ архимандритами, игуменами и низшимъ духовенствомъ были на сторонѣ Адріана. То, что въ Маркеллѣ не нравилось послѣдней партіи, были его обширныя познанія; они опасались, что Маркеллъ, сдѣлавшись патриархомъ, станетъ покровительствовать католикамъ и вообще приверженцамъ другихъ исповѣданій. Игуменъ Спасскаго монастыря поэтому передалъ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ записку, въ которой заключались разныя обвиненія противъ Маркелла относительно разныхъ предметовъ и даже обвиненіе въ ереси. Однако царь Петръ Алексѣевичъ держался твердо стороны Маркелла и съ старшимъ царемъ и со всѣмъ дворомъ удался въ Коломенское¹⁾.

Значитъ, разказъ Петра въ сочиненіи Бломберга въ общихъ чертахъ вполне соотвѣтствовалъ ходу дѣла въ 1690 году. Обвиненіе Маркелла въ ереси весьма легко могло останавливаться на тѣхъ мелочахъ, о которыхъ разказывалъ Петръ своимъ собесѣдникамъ въ Митавѣ. Что на обстоятельства, подобныя вышеприведенному о кучерѣ, привыкли въ Россіи смотрѣть съ религіозной точки зрѣнія, видно изъ слѣдующаго случая, о которомъ разказываетъ Ософанъ Прокоповичъ, доказывая въ письмѣ къ одному знакомому, что въ Россіи религіозность имѣетъ ложное направленіе и отличается вѣшностью и мелочностью. Когда запрещено было употребленіе старинныхъ русскихъ сѣделъ, одинъ молодой фанатикъ нарочно изъясъ такое сѣдло и сталъ кататься по столицѣ въ надеждѣ, что его за это возьмутъ въ полицію, и что онъ, терпя за свой поступокъ истязанія, сдѣлается мученикомъ²⁾. Не даромъ Петръ Великій и Ософанъ не переставали ратовать противъ халчества и фарисейства въ народѣ.

Разказъ Бломберга, справедливый относительно главнаго характера событія 1690 года, можетъ однако быть неточнымъ относительно частныхъ. Довольно важенъ вопросъ, слышалъ ли Бломбергъ эту „исторію“ въ самомъ дѣлѣ изъ устъ самого царя? Онъ могъ узнать о ней чрезъ одного изъ иностранцевъ, спутниковъ Петра, и выраженіе: „Онъ (царь) разказалъ намъ“ можетъ быть прикрасою, хвастливою фразою. Однако Петръ иногда любилъ высказывать довольно откровенно свои взгляды на счетъ подобныхъ вопросовъ, какъ видно изъ другихъ случаевъ. Когда онъ въ Англіи заключалъ договоръ съ маркизомъ

¹⁾ См. Дневникъ Гордона, изд. *Поселътомъ*, т. II, стр. 309 и 311.

²⁾ *Чистовичъ*, Ософанъ Прокоповичъ.

Кармартеномъ о торговлѣ табакомъ, и когда при этомъ случаѣ англійскіе купцы изъявили опасеніе, не будетъ ли патріархъ сопротивляться продажѣ табака, Петръ сказалъ: „Не опасайтесь: я издалъ объ этомъ указъ, и постараюсь, чтобы патріархъ не мѣшался въ табачный дѣла: онъ примѣтъ только блюститель вѣры, а не таможенный надзиратель“ ¹⁾. Разумѣется, и этотъ анекдотъ можетъ не совсѣмъ соответствовать истинѣ. Но какъ бы то ни было, царь за границею не даромъ считался либераломъ, въ сравненіи съ домостроевско-византійскими понятіями, господствовавшими въ народѣ, вольнодумцемъ. На этотъ счетъ въ Англии, во время пребыванія Петра въ этой странѣ, разказывали слѣдующій весьма характеристичный анекдотъ о немъ: Во время болѣзни Патали Кирилловны юный царь явился у одра умирающей матери въ пѣмецкомъ платьѣ. Патріархъ сдѣлалъ ему внушительное замѣчаніе на этотъ счетъ. Петръ, возражая на эти упреки, спросилъ патріарха, считается ли онъ главою церкви, и получивъ отъ Адріана утвердительный отвѣтъ, довольно рѣзко сказалъ ему: „Зачѣмъ же ты дѣйствуешь какъ главный надзиратель и покровитель портныхъ? Я же въ свою очередь надѣюсь доказать моимъ подданнымъ болѣе основательно нежели мелочнымъ обращеніемъ вниманія на различіе одежды, въ какой мѣрѣ я забочусь о ихъ благѣ“ ²⁾.

Разказъ Бломберга, въ которомъ упомянуто еще о твердомъ намѣреніи царя завладѣть какимъ-либо мѣстомъ на берегу Балтійскаго моря ³⁾, оканчивается размышленіемъ о томъ, въ какой мѣрѣ путешествіе Петра должно считаться достопамятнымъ и необычайнымъ фактомъ. Впрочемъ, замѣчаетъ Бломбергъ,—фактъ этотъ не можетъ считаться вовсе неслыханнымъ. Совершилось нѣкогда событіе, похожее на нынѣшнее путешествіе Петра: въ X вѣкѣ одинъ Русскій государь посѣтилъ дворъ императора Генриха IV въ Вормсѣ. Очевидно, Бломбергъ имѣетъ тутъ въ виду появленіе великаго князя Изяслава Ярославича въ западной Европѣ въ 1075 году. То обстоятельство однако, что для пріискапія подходящаго факта нужно было обратиться къ столь отдаленному времени, лучше всего доказывало новостъ и значеніе появленія Московскаго государя въ западной Европѣ.

¹⁾ Соловьевъ, XV, 118.

²⁾ См. соч. Крелля, о которомъ будетъ сказано ниже: *Crulle, The ancient and present state of Muscovy. London, 1698, p. 206.*

³⁾ Впрочемъ, какъ полагаетъ Бломбергъ, Петръ при этомъ случаѣ имѣлъ въ виду расширеніе внешней торговли.

3. Сочиненіе Крелля.

Появленіе русскихъ посольствъ за границею весьма часто вызвало появленіе въ печати разныхъ книгъ о Московскомъ государствѣ. Такъ, въ началѣ XVI вѣка знаменитый историкъ П. Джіовіо, епископъ Ночерскій, написалъ, по разказамъ находившагося въ Италіи русскаго толмача Дмитрія Герасимова, сочиненіе о Москвѣ; такъ, по случаю пребыванія посланника Долгорукаго въ 1687 во Франціи тамъ появилось сочиненіе: *Relation de tout ce qui regarde la Moscovie, ses habitants et leur grand duc* и т. д.

Такимъ же образомъ появленіе великаго посольства въ Голландію, Англій и Германію въ 1697—1698 годахъ имѣло слѣдствіемъ изданіе разныхъ сочиненій, въ которыхъ говорилось о Московскомъ государствѣ вообще, о правахъ и обычаяхъ народа, объ учрежденіяхъ этой страны и пр. Мы уже выше говорили о краткомъ сочиненіи Венделла, явившемся въ Дрезденѣ въ 1698 году. Гораздо важнѣе и обширнѣе двухтомное сочиненіе, напечатанное въ Англій. Заглавіе его слѣдующее:

The ancient and present State of Muscovy, containing a geographical, historical and political Account of all the Nations and Territories under the jurisdiction of the present Czaar. With Sculptures and a New Map. By J. C. M. D. (Jodocus Crull, med. doct). Fellow of the Royal Society and a member of the College of Physicians. London. Vol. II. Containing an historical and political Account of all the most remarkable Transactions in that Empire, to this present time.

Какъ видно, этотъ сложный трудъ представляетъ собою сборникъ разсужденій о географіи, этнографіи и исторіи Россіи ¹⁾. Какъ видно изъ самаго сочиненія, оно явилось именно по поводу посѣщенія Англій Петромъ; при составленіи его авторъ исторической части пользовался разными печатными изданіями и особенно обращалъ вниманіе на отзывы современниковъ-очевидцевъ. Намъ интересуютъ въ этомъ сочиненіи тѣ части, которыя относятся къ личности Петра вообще и къ его путешествію въ особенности.

Отзывъ о характерѣ Петра въ этой книгѣ весьма благопріят-

¹⁾ См. подробности библиографическія въ сочиненіи *Минилофа*, стр. 3—4. Тамъ же о продолженіи этого труда, явившемся въ 1699 году и заключавшемъ въ себя разные свѣдѣнія о восточной Азіи.

тепъ. Въ особенности хвалится его снисходительность въ обращеніи съ людьми простыхъ сословій. Иностранцамъ казалось достойнымъ удивленія, что Петръ бесѣдовалъ со всѣми, какъ съ равными ему лицами. Особенное впечатлѣніе на Англичанъ произвело любезное обращеніе Московскаго царя съ нѣкоторыми шкиперами въ Архангельскѣ. Разказывается подробно, какъ Петръ съ ними обѣдалъ и пировалъ, шутилъ съ ними, и между прочимъ, послѣ обѣда велѣлъ вспрыснуть ихъ изъ пожарной трубы; какъ онъ съ ними безцеремонно купался въ Двинѣ и предпринималъ поѣздки на разные острова. Все это въ общихъ чертахъ подтверждается показаніями дневника Гордона, который участвовалъ въ этой поѣздкѣ въ Архангельскѣ въ 1694 году и въ увеселеніяхъ царя съ англійскими шкиперами ¹⁾).

Далѣе слѣдуетъ вышеупомянутый разказъ о столкновеніи Петра съ патріархомъ по поводу носимаго царемъ нѣмецкаго платья. Затѣмъ говорится о слѣдующемъ, изъ другихъ источниковъ неизвѣстномъ эпизодѣ, случившемся въ Гагѣ: По случаю праздника, устроеннаго по поводу заключенія Рисвикскаго мира, находившійся при посольствѣ священникъ или діаконъ напился пьянъ. Петръ въ наказаніе заставилъ его нѣсколько дней съ-ряду заниматься канатнымъ дѣломъ, такъ что у бѣдняги отъ этого разболѣлись руки.

О Петрѣ говорится, что онъ сдѣлался любимцемъ народа, именно черпи (sic), но съ другой стороны—выражается удивленіе тому, что царь покинулъ свою страну какъ разъ въ то время, когда его присутствіе въ государствѣ казалось бы необходимымъ для подавленія умысловъ сильной враждебной партіи. Впрочемъ, сказано далѣе,—ссылка князя Василія Васильевича Голицына въ Сибирь (sic!) можетъ уже считаться нѣкоторымъ средствомъ успокоенія страны. Для той же цѣли, ради обезпеченія тишины въ Москвѣ, Петръ отправилъ за границу многихъ Русскихъ, членовъ знатныхъ фамилій. Эти молодые люди должны были служить царю какъ бы заложниками, поручиками за вѣрность своихъ родственниковъ во время пребыванія Петра въ чужихъ краяхъ. Та же мысль о заложникахъ высказана и въ другомъ сочиненіи одного изъ современниковъ Петра, въ книгѣ Вебера: *Neuverändertes Russland* ²⁾). Подобно тому впоследствии, когда Петръ III,

¹⁾ См. Дневникъ Гордона, II, стр. 460—469. Петръ подарилъ англійскимъ шкиперамъ 40 пудовъ пороху, игралъ съ ними въ кегли и ир.

²⁾ *Weber*, III, 221.

готовился къ отъѣзду за границу, для участія въ войнѣ Голштиніи съ Даніей, Фридрихъ II совѣтовалъ ему взять съ собою и удалить такимъ образомъ изъ Россіи всѣхъ тѣхъ лицъ, которые могли бы въ его отсутствіе производить смуты въ Россіи ¹⁾.

При Петрѣ Великомъ и въ самой Россіи нѣкоторые думали, что отсутствіе царя можетъ быть сопряжено съ нѣкоторою опасностью. По крайней мѣрѣ Лефортъ во время пребыванія съ царемъ въ Архангельскѣ, лѣтомъ 1694 года, писалъ въ Женеву, что послѣ стрѣлецкихъ смутъ и государственнаго переворота 1689 года, особенно же послѣ сформированія новыхъ солдатскихъ полковъ можно надѣяться, на полное спокойствіе въ Москвѣ ²⁾. Дѣло въ томъ, что дѣйствительно отсутствіе царя было очень не безопасно. Во время пребыванія Петра въ Англіи распространился въ Вѣнѣ слухъ о бунтѣ въ Москвѣ: разказывали, что царевна Софія возведена на престолъ, что Василій Васильевичъ Голицынъ, освобожденный изъ ссылки, вступилъ въ управленіе государствомъ, и что весь народъ уже присягнулъ царевнѣ ³⁾. Въ Россіи во время пребыванія Петра за границу ходили слухи, что онъ умеръ за границу, погибъ гдѣ-то въ Швеціи въ „Стекольномъ городѣ“, что его уложили въ бочку, пущенную въ море, и т. п. ⁴⁾. Какъ кажется, даже царевны, сестры Петра, высказывали жалобы, что отъ царя нѣтъ писемъ, и что его возвращеніе изъ-за границы становится сомнительнымъ ⁵⁾. Мы знаемъ, что дѣйствительно нѣкоторое время въ Москвѣ не получали извѣстій о царѣ, и что приверженцы Петра тогда сильно безпокоились ⁶⁾. Стрѣлецкій бунтъ 1698 года доказалъ, что были поводъ къ опасеніямъ.

Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе Вебера и Крелля о взятіи съ собою Петромъ молодыхъ знатныхъ вельможъ ради обезпеченія тишины въ государствѣ едва ли имѣетъ основаніе. Не со стороны знати грозила царю опасность, но со стороны черни. Петръ не былъ „любимцемъ народа“. Напротивъ, въ массахъ гнѣздилась сильная неприязнь къ царю.

О поводахъ къ путешествію Петра Крелль говоритъ, что это предпріятіе было вызвано жаждою знанія, стремленіемъ къ образо-

¹⁾ См. *Русская Старина*, 1871, III, 302—307.

²⁾ См. соч. *Поселыта*, II, 296 въ примѣчаніи.

³⁾ *Устряловъ*, III, 98—99.

⁴⁾ *Соловьевъ*, XV, 131—132.

⁵⁾ *Устряловъ*, III, 159.

⁶⁾ *Устряловъ*, III, 439—440.

вапію, желаніемъ развить народъ. Совсѣмъ ипаче, замѣчаетъ авторъ, — предшественники Петра смотрѣли на это. Они считали невѣжество подданныхъ краеугольнымъ камнемъ своей безусловной власти. Достойно вниманія слѣдующее замѣчаніе автора: „Отъ этого путешествія самыя дальновидныя люди ожидаютъ большихъ результатовъ“. Изъ всего этого видно, что въ Англіи были люди, считавшіе Петра чрезвычайно способнымъ человѣкомъ, представителемъ высокихъ идей реформы, прогресса. Далѣе Крекль говоритъ о намѣреніяхъ Петра посредствомъ прорытія канала соединить Волгу съ Дономъ, и снарядить экспедицію для рѣшенія вопроса, соединена ли Новая Земля съ материкомъ или нѣтъ и пр. Все это свидѣтельствуетъ о выгодномъ мнѣніи относительно личности и намѣреній Петра.

Кстати укажемъ здѣсь на гораздо менѣе выгодный отзывъ о Петрѣ извѣстнаго епископа Салисберійскаго Бернета, который не разъ бесѣдовалъ съ нимъ. О впечатлѣніи, произведенномъ на Бернета царемъ, сказано въ его сочиненіи: *History of his own times* слѣдующее: „Царь человѣкъ весьма горячаго нрава, склонный къ вспышкамъ, страстный и крутой; онъ еще болѣе возбуждаетъ свою горячность употребленіемъ водки, которую самъ приготовляетъ съ необычайнымъ знаніемъ дѣла.... Въ немъ нѣтъ недостатка въ способностяхъ; онъ даже обладаетъ болѣе обширными свѣдѣніями, нежели можно бы ожидать при его недостаточномъ воспитаніи; за то въ немъ нѣтъ мѣткости сужденія и постоянства въ нравѣ, что обнаруживается очень часто и бросается въ глаза; особенную склонность онъ имѣетъ къ механическимъ работамъ; природа, кажется, скорѣе создала его для дѣятельности корабельнаго плотника, чѣмъ для управленія великимъ государствомъ; корабельныя постройки были главнымъ предметомъ его занятій и его упражненія во время его пребыванія здѣсь (въ Англіи). Онъ очень много работалъ собственными руками и заставлялъ всѣхъ лицъ, окружающихъ его, заниматься составленіемъ корабельныхъ моделей. Онъ разказывалъ мнѣ о своемъ намѣреніи отправить азовскій флотъ для нападенія противъ Турціи; однако, онъ не казался мнѣ способнымъ стать во главѣ столь великаго предпріятія, хотя впрочемъ съ тѣхъ поръ его образъ дѣйствій при веденіи войнъ обнаружилъ въ немъ больше способностей, чѣмъ какъ оказывалось тогда (то-есть, во время его пребыванія въ Англіи). Онъ не казался желающимъ исправить положеніе Московскаго государства: онъ, пожалуй, хотѣлъ возбудить въ своемъ народѣ охоту къ ученію и дать своему народу внѣшній лоскъ, отправивъ нѣкоторыхъ

изъ своихъ подданныхъ въ другія страны и пригласивъ иностранцевъ въ Россію... Было въ немъ странное смѣшеніе страсти и строгости. Онъ отличается рѣшимостью, но въ военныхъ дѣлахъ онъ не знаетъ толку и кажется вовсе не любознательнымъ въ этомъ отношеніи. Видавшись съ нимъ часто и бесѣдовавъ съ нимъ довольно много, я не могъ не удивляться глубинѣ Божественнаго промысла, который далъ такому свирѣпому человѣку неограниченную власть надъ весьма значительною частью міра¹⁾. Затѣмъ говорится о казни стрѣльцовъ и въ заключеніе сказано: „Вогу одному извѣстно, долго ли онъ (Петръ) останется бичемъ своего народа и своихъ сосѣдей“¹⁾).

Таковъ отзывъ епископа Салисберійскаго, при оцѣнкѣ котораго нужно имѣть въ виду, какъ намъ кажется, два обстоятельства. Во-первыхъ, нужно вспомнить, что авторъ писалъ подъ впечатлѣніемъ ужаснаго стрѣлцаго розыска; во вторыхъ же, Бернетъ, цѣня довольно низко военныя способности Петра, самъ сознается въ томъ, что его оцѣнка оказалась неправильною, что царь обнаружилъ гораздо больше опытности, нежели можно было ожидать отъ него въ 1698 году. Главная ошибка Бернета заключалась въ томъ, что Петръ казался ему какъ бы созданнымъ лишь для ручного труда, а не для государственнаго управленія. Онъ видѣлъ въ царѣ только плотника, не чуя въ немъ великаго преобразователя.

Не всѣ современники Бернета въ Англіи были столь близоруки. Между ними были люди, цѣнившіе способности Петра совсѣмъ иначе; доказательствомъ тому служитъ обширный проектъ реформы, составленный въ Англіи для Россіи въ 1698 году.

4. Проектъ Френсиса Ли.

Въ 1752 году въ Лондонѣ явилось сочиненіе библейско-археологическаго содержанія подъ заглавіемъ:

Francis Lee, 'Аполѣипомеѳа, or dissertations, theological, mathematical and physical;... to which are prefixed a sport account of the author: proposals given to Peter the Great, Czar of Muscovy, given at his own request, anno 1698, for' the right framing of his government.

Сочиненіе это было издано въ пользу дочери автора. Оно главнымъ образомъ имѣетъ характеръ богословскій. Особенно подробно,

¹⁾ Bishop Burnet's History of his own time. Vol. III, p. 306—308. London, 1753.

напримѣръ, говорится объ архитектурѣ Ноева ковчега. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ исключительно составленный авторомъ, какъ сказано въ заглавіи: „по желанію Петра“ (at his own request), проектъ новыхъ учрежденій для Московскаго государства.

Къ сожалѣнію, о личности Фр. Ли намъ ничего неизвѣстно. Мы можемъ только считать вѣроятнымъ, что авторъ былъ духовнымъ лицомъ, что онъ лично познакомился съ Петромъ во время пребыванія послѣдняго въ Англіи, и что царь обратился къ нему съ просьбою сообщить нѣкоторыя соображенія о нововведеніяхъ въ Россіи. Петръ обращался иногда къ иностранцамъ за такими совѣтами. Такъ напримѣръ, послѣ торжественной аудіенціи русскихъ пословъ въ Гагѣ, на обѣдѣ, въ которомъ участвовалъ Петръ, онъ обратился къ своему сосѣду, одному изъ знатнѣйшихъ сановниковъ Нидерландской республики, съ просьбою рекомендовать ему человѣка, способнаго устроить въ Россіи главную государственную канцелярію и руководить такимъ учрежденіемъ. Такъ философъ Лейбницъ составлялъ для Петра проекты разныхъ преобразованій; такъ царь отправилъ Фика въ Швецію для изученія тамошняго коллегіальнаго устройства съ цѣлью введенія послѣдняго въ Россіи.

Проектъ Френсиса Ли достоинъ вниманія именно тѣмъ, что въ немъ выражена мысль о введеніи коллегіальнаго устройства. Значитъ, еще до личныхъ своихъ сношеній съ Лейбницемъ, до отправленія Фика въ Швецію Петръ имѣлъ случай всмотрѣться въ главные основы того учрежденія, которое впоследствии особенно интересовало его.

Укажемъ вкратцѣ на содержаніе этого любопытнаго проекта, который до сихъ поръ вовсе не удостоивался вниманія изслѣдователей исторіи Петра Великаго.

Восхвалявъ царя за предпринятое имъ путешествіе, отъ котораго, какъ полагаетъ авторъ, — можно ожидать большой пользы для Московскаго государства, Ли продолжаетъ: Царь долженъ послѣ своего возвращенія изъ-за границы устроить семь различныхъ присутственных мѣстъ (Colleges), въ которыхъ должна сосредоточиваться главная дѣятельность при преобразованіи государства. Коллегіи эти слѣдующія:

1) Коллегія для поощренія ученія (for the advancement of learning) должна состоять изъ пяти до семи членовъ. Нужно при устройствѣ школъ, при народномъ просвѣщеніи, особенно обращать вниманіе на такія познанія, которыя допускаютъ примѣненіе въ практикѣ и этимъ самымъ приносятъ пользу. Такъ напримѣръ, приклад-

ная математика должна занять важное мѣсто въ ряду предметовъ ученія. При этомъ случаѣ авторъ указываетъ на заслуги философа Локка и знаменитаго Бэкона относительно просвѣщенія въ Англіи и далѣе говоритъ о томъ, что уже при братѣ Петра, царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, въ Россіи было сдѣлано кое-что для распространенія просвѣщенія, но что оппозиціонное движеніе помѣшало осуществленію видовъ государя. То, что авторъ обращаетъ особенное вниманіе на реальное образованіе, вполне соответствовало вкусу и направленію Петра. Между тѣмъ какъ его братъ Θεодоръ и сестра Софія воспитывались подъ вліяніемъ схоластическаго направленія, господствовавшаго въ школьномъ устройствѣ Польши и Малороссіи, Петръ самъ скорѣе былъ ученикомъ представителей практическихъ знаній, людей военныхъ, ремесленниковъ и техниковъ. Его наставниками были не богословы, какъ учитель Софіи, Симеонъ Полоцкій, а жители Нѣмецкой слободы—Гордонъ, Лефорть, артиллеристы и фейерверкеры, корабельные плотники и инженеры. И за границей онъ особенно искалъ сношеній съ представителями реального образованія, съ знаменитыми физиками, химиками и натуралистами вообще. Между тѣмъ какъ сынъ Петра, царевичъ Алексѣй, особенно охотно занимался чтеніемъ книгъ по исторіи церкви, напримѣръ, Вароніевыхъ *Annales ecclesiastici*,—Петръ посѣщалъ лабораторіи, зоологическіе и анатомическіе музеи, изучалъ сочиненія о баллистикѣ, о землѣтреномъ искусствѣ или занимался математикою, географіей и т. п.

2) Коллегія для обработки богатствъ природы (for the improvement of nature). Образцомъ при учрежденіи этой коллегіи, въ которой должны участвовать отъ 10 до 14 членовъ, могутъ служить королевскія общества въ Лондонѣ (Royal Society) и во Франціи. Эта коллегія должна заниматься составленіемъ проектовъ о постройкѣ новыхъ каналовъ, объ удобреніи почвы и вообще вопросами хозяйства, особенно сельскаго. При ней должна существовать типографія, въ которой будутъ печататься отчеты о результатахъ дѣятельности коллегій. Далѣе, эта коллегія должна заниматься собираніемъ точныхъ данныхъ о производительности страны, о всевозможныхъ продуктахъ, въ Россіи добываемыхъ. Такую статистику народнаго богатства можно составить при помощи разсылки по всему государству таблицъ для внесенія цифръ и прочихъ данныхъ въ отвѣтъ на извѣстные, точно опредѣленные вопросы. Какъ видно, при этомъ случаѣ авторъ, дѣлавъ это предложеніе, находился подъ вліяніемъ развившейся не задолго предъ тѣмъ въ Англіи такъ-называемой политической ариѳметики. Основате-

лемъ этой науки былъ Петти, писавшій въ Англіи за два или три десятилѣтія до Френсиса Ли. И это предложеніе вполне соответствовало видамъ Петра. Очень скоро по возвращеніи изъ-за границы онъ началъ строить каналы и для этой цѣли приглашалъ изъ-за границы опытныхъ спеціалистовъ. Такимъ инженеромъ-натуралистомъ былъ извѣстный Джонъ Перри, находившійся въ Россіи отъ 1698 до 1714 года, соединявшій практическую дѣятельность при постройкѣ каналовъ, доковъ и гаваней съ весьма любопытными метеорологическими и физическо-географическими наблюденіями и написавшій чрезвычайно замѣчательное сочиненіе о Россіи при Петрѣ Великомъ. Извѣстно, какъ самъ Петръ впоследствии занимался статистикою, какъ онъ завелъ ревизіи, какъ по его указаніямъ были собираемы свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ и проч. Когда Татищевъ, представитель школы Петра, составилъ „предложеніе сочиненія исторіи и географіи Россійской“, то разсылая въ генераль-губернаторамъ, губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ списки со множествомъ вопросовъ, онъ дѣлалъ именно то, чего требовалъ Ли отъ членовъ коллегіи для обработки богатствъ природы.

3) Коллегія для поощренія художествъ (for the encouragement of arts) должна заниматься изслѣдованіемъ пользы и удобоприимности новыхъ изобрѣтеній и открытій и давать привилегіи и награды изобрѣтателямъ. Какъ видно, тутъ имѣется въ виду вопросъ о патентахъ. Именно въ XVII вѣкѣ въ разныхъ странахъ вообще, а въ Англіи въ особенности, появилось болѣе или менѣе сложное законодательство о патентахъ. При Петрѣ Великомъ мануфактуръ-коллегія дѣйствительно старалась впоследствии исполнить то, чего требовалъ Ли отъ предложеннаго имъ третьяго присутственнаго мѣста. Совершенно сообразно съ ходомъ мыслей Френсиса Ли, въ послѣднее время царствованія Петра Великаго Иванъ Посошковъ требовалъ щедрыхъ наградъ для изобрѣтателей, указывая при этомъ случаѣ на „иноземные уставы“. Подробностей законодательства англійскаго о патентахъ Посошковъ, разумѣется, не зналъ и о проектѣ Ли не имѣлъ понятія; но все-таки учрежденія западной Европы, хотя бы лишь въ общихъ основаніяхъ, были извѣстны крестьянину-самоучкѣ.

4) Коллегія для развитія торговли (for the increase of merchandise) должна состоять изъ двѣнадцати членовъ, изъ которыхъ въ каждомъ засѣданіи должны присутствовать не менѣе семи. Въ мѣропріятіяхъ для поощренія торговли могутъ служить образцомъ голландскія и англійскія компаніи. Далѣе, нужно имѣть въ виду мѣры для

пониженія роста и пр. Известно, что Петръ Великій обращалъ особенное вниманіе на торговлю, стараясь, по примѣру западно-европейскихъ государствъ, развить въ своихъ подданныхъ духъ предпримчивости въ коммерческихъ операціяхъ, наклонность къ такого рода спекуляціямъ и знаніе дѣла. Какъ кажется, въ особенности пребываніе Петра въ Голландіи было въ этомъ отношеніи полезно для царя школою. Тамъ съ самаго начала XVII вѣка процвѣтали остъ-индская и вестъ-индская компаніи. На верфяхъ остъ-индской компаніи Петръ работалъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Его личное знакомство съ богатыми и образованными представителями знатнѣйшихъ торговыхъ фирмъ дало ему возможность собрать разные свѣдѣнія о торговлѣ, о ея всемірномъ значеніи, о колоніяхъ, объ акціонерныхъ обществахъ и пр. Точно также и въ Англии онъ, между прочимъ по случаю заключенія договора о торговлѣ табакомъ, имѣлъ сношенія съ разными купцами. Петръ сознавалъ что, въ этомъ отношеніи Русскимъ приходится учиться у народовъ западной Европы. Съ того времени, когда Англичане открыли путь въ Бѣлое море и начали торговать въ Россіи въ широкихъ размѣрахъ, иностранцы могли сдѣлаться наставниками Русскихъ въ дѣлахъ торговли. Англійскій дипломатъ Джонъ Мерикъ, бывшій въ Россіи въ началѣ XVII вѣка, въ бесѣдѣ съ боярами преподавалъ имъ главные правила меркантилизма, сообщая имъ о результатахъ таковой торговой политики въ Англии. Юрій Крижаничъ въ своихъ сочиненіяхъ объяснялъ, въ какой мѣрѣ западно-европейскіе народы превосходятъ Русскихъ предпримчивостью и умѣніемъ вести торговлю въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Петръ вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы сталъ принимать мѣры къ развитію торговли именно въ томъ направленіи, на которое указывалъ Френсисъ Ли въ своей запискѣ. Онъ предписалъ русскимъ купцамъ торговать также, какъ торговали иностранные купцы, компаніями ¹⁾. Очень возможно, что эта мѣра, относящаяся въ 1699 году, была слѣдствіемъ совѣтовъ Франсиса Ли. Оказалось, что устройство компаній между русскими купцами не имѣло успѣха. Но и впослѣдствіи, въ продолженіе своего царствованія, Петръ часто старался объ устройствѣ торговыхъ компаній. Однимъ словомъ, учрежденная Петромъ коммерцъ-коллегія во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствовала тому учрежденію, которое имѣлъ въ виду Френсисъ Ли въ 1698 году.

5) Коллегія для улучшенія нравовъ (for the reformation of man-

¹⁾ Соловьевъ, XV, 85.

pers) должна заботиться объ усовершенствованіи нравственности въ народѣ, бороться съ пороками, награждать добродѣтель. Число членовъ этой коллегіи должно быть 24; эти члены должны быть не моложе 40 лѣтъ. Изъ нихъ двое должны постоянно въ качествѣ „цензоровъ“ объѣзжать весь край и доносить о состояніи нравственности въ разныхъ частяхъ государства. Должны быть раздаваемы награды особенно добросовѣстнымъ и вѣрнымъ слугамъ и служанкамъ, дѣтямъ отличающимся послушаніемъ, и пр. Между коллегіями, учрежденными Петромъ Великимъ, мы не встрѣчаемъ такого учрежденія. О правахъ народа Петръ заботился лишь въ томъ отношеніи, что съ одной стороны, старался искоренить „неправду“, а съ другой—вводитъ нѣкоторую утонченность въ обращеніи, нѣкоторую салонность. При Петрѣ являлись въ Россіи переводы французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, въ которыхъ преподавались правила благовоспитанности. Все это однако скорѣе относилось къ внѣшней сторонѣ воспитанія, а не къ настоящимъ вопросамъ нравственности.

6) Коллегія для законодательства (for the compilation of laws) должна постоянно заниматься кодификаціей, при чемъ могутъ служить образцами Θεодосій и Юстиніанъ. Извѣстно, что Петръ въ продолженіе всего своего царствованія, начиная съ 1700 года, заботился о кодификаціи; нѣсколько разъ были образуемы особыя комиссіи, задача которыхъ заключалась въ приведеніи въ систему всѣхъ законоположеній. Такъ, въ 1700 году состоялась комиссія, долженствовавшая соединить въ одно цѣлое уложеніе царя Алексѣя Михайловича съ позднѣйшими указами и правительственными распоряженіями; такъ отъ 1714 до 1719 года трудилась другая комиссія; въ 1720 году состоялась третья комиссія. Какъ видно, въ Россіи при Петрѣ была сдѣлана попытка создать то самое учрежденіе, котораго требовалъ Френсисъ Ли, но успѣха не было, и трудъ настоящей кодификаціи, удовлетворяющей требованіямъ времени, выналъ на долю позднѣйшему времени.

7) Коллегія для распространенія христіанской религіи (for the propagation of the christian religion) имѣетъ исключительно духовную цѣль. Френсисъ Ли предлагаетъ распространять Священное Писаніе въ славянскомъ переводѣ во множествѣ экземпляровъ. Особенно же, говоритъ онъ,—пужно заботиться о распространеніи христіанской религіи между инопорядцами. Для этой цѣли пужно устроить въ Астрахани училище для изученія языковъ, въ которомъ восемь профессоровъ должны заниматься преподаваніемъ языковъ еврейскаго, персид-

скаго, татарскаго, арабскаго, китайскаго, и въ которомъ студенты должны готовиться для миссіонерской дѣятельности. Какъ кажется, Петръ не имѣлъ въ виду такой пропаганды. Изученіе восточныхъ языковъ казалось ему важнымъ не для религіозныхъ, а для политическихъ цѣлей. Въ то время, когда Волыніскій былъ Астраханскимъ губернаторомъ и обращалъ особенное вниманіе на Персію, были отправлены нѣкоторые молодые люди въ Азію для изученія тамъ восточныхъ языковъ; но не миссіонерами, а дипломатическими агентами должны были они сдѣлаться.

Такова была система коллегіальныхъ учрежденій, которую предлагалъ Ли. Онъ дѣлаетъ еще нѣкоторыя замѣчанія о коллегіяхъ и другихъ учрежденіяхъ, введеніе которыхъ казалось ему желательнымъ. О финансахъ онъ замѣчаетъ, что вторая и четвертая коллегіи должны заниматься вопросами государственнаго хозяйства. За исключеніемъ шестой коллегіи (законодательства), которая должна существовать исключительно въ столицѣ, всѣ другія коллегіи должны имѣть представителей въ различныхъ областяхъ или состоять въ связи съ таковыми же провинціальными учрежденіями. Далѣе, въ каждой провинціи долженъ существовать апелляціонный судъ, куда можно обращаться по тяжбынымъ дѣламъ, неудовлетворительно рѣшаемымъ въ уѣздахъ.

Достойно вниманія замѣчаніе Френсиса Ли, что въ главномъ городѣ каждой провинціи нужно учредить высшую школу (college for academeal education) для 50 студентовъ. Кто желаетъ занять какую-либо должность въ государственномъ управленіи долженъ имѣть свидѣтельство о трехгодичномъ пребываніи въ одномъ изъ русскихъ или иностранныхъ университетовъ. Лица, посвящающія себя духовному званію, должны быть подвергаемы экзамену. Далѣе слѣдуютъ еще нѣкоторыя замѣчанія о статистикѣ народонаселенія, о введеніи метрическихъ книгъ; затѣмъ говорится о необходимости учрежденія маіоратовъ для сохраненія значенія и богатства знатныхъ фамилій, о законахъ противъ чрезмѣрной роскоши, объ учрежденіи должности мировыхъ судей и объ устройствѣ ссудныхъ кассъ (ломбардовъ) для бѣдныхъ. Объ уголовномъ правѣ и судопроизводствѣ говорится кратко и въ общихъ выраженіяхъ. Ли совѣтуетъ Петру заботиться о строгомъ исполненіи законовъ, такъ чтобы каждый преступникъ могъ навѣрное рассчитывать на наказаніе, но при этомъ все-таки говорится о необходимости соединенія правосудія съ милостью. Наконецъ, говорится еще о молитвѣ и о томъ, какъ правительство обязано забо-

титися о духовныхъ нуждахъ своихъ подданныхъ. Ежедневно во всемъ государствѣ, то-есть, во всѣхъ обитаемыхъ мѣстахъ государства, въ известное время дня колоколъ долженъ возвѣщать, что всѣ жители безъ исключенія должны прервать свои занятія и посвятить себя въ продолженіе четверти часа молитвѣ. Въ заключеніе записки авторъ желаетъ царю успѣха и подписывается: „Вашего величества, покорнѣйшій слуга Френсисъ Ли“.

Таковъ проектъ этого Англичанина, составленный по желанію самаго царя. Многія мысли, выраженныя въ этой запискѣ, осуществились въ дѣятельности преобразователя: коллегіальное устройство вообще, законъ о майоратахъ, распоряженія противъ чрезмѣрной роскоши и пр. Мы не знаемъ однако, какъ отнесся царь къ проекту. Къ сожалѣнію, этотъ любопытный документъ найденъ лишь въ печатномъ изданіи Апологорма 1752 года. Можетъ быть, гдѣ-нибудь въ одномъ изъ нашихъ архивовъ найдется рукопись, въ подлинникѣ или переводѣ, этого сочиненія Френсиса Ли. Петръ, какъ мы знаемъ, имѣлъ въ Англіи сношенія не только съ представителями государственной церкви, но и съ квакерами. Въ Журналѣ его путешествія говорится о посѣщеніи царя англійскими епископами, о побываніи его у епископа Кентерберійскаго, въ квекерскомъ костолѣ и пр. Но именъ Бернета и Френсиса Ли въ Журналѣ не упомянуто. Было бы чрезвычайно желательно открыть какія-либо новыя данныя объ отношеніяхъ царя къ составителю проекта, который свидѣтельствуетъ о томъ, что современники Петра, въ Англіи съ большимъ вниманіемъ слѣдили за его путешествіемъ, ожидали отъ этого путешествія великой пользы для Россіи, и что, кромѣ Лейбница, были еще другіе люди, которые трудились надъ составленіемъ для Россіи обширныхъ программъ реформъ.

Самый важный вопросъ относительно проекта Ли, какъ намъ кажется, заключается въ слѣдующемъ: Петръ, предпринимая свое путешествіе, имѣлъ въ виду прежде всего созданіе флота, который могъ доставить ему возможность успѣшной борьбы съ Оттоманскою имперіей. Цѣль поѣздки была техническая: Петръ считалъ необходимою научиться кораблестроенію, закупить множество предметовъ необходимыхъ при сооружеіи флота, нанять большое число офицеровъ, инженеровъ, шкиперовъ, матросовъ. Впоследствии даже въ самой Россіи говорили, что Петръ предпринялъ свое путешествіе главнымъ образомъ съ цѣлью ознакомиться съ политическими учрежденіями и въ намѣреніи ввести разныя реформы. Такъ, наприѣръ, разсуждалъ Шафировъ въ своемъ, явившемся въ 1716 году, сочalenіи о причи-

нахъ Сѣверной войны. Петръ самъ въ введеніи къ морскому регламенту о поводахъ къ путешествію говорилъ слѣдующее, объясняя своимъ подданнымъ начало кораблестроенія въ Россіи: „И что дивнѣйше, аки бы устыдился монархъ остаться отъ подданныхъ своихъ въ ономъ искусствѣ, и самъ воспріялъ маршь въ Голландію, и въ Амстердамъ, на ость-индской верфи, вдавъ себя съ прочими волонтерами своими въ наученіе корабельной архитектуры, въ краткое время въ ономъ совершился“ и пр. ¹⁾). Значить, специально-техническая цѣль поѣздки на западъ стояла на первомъ планѣ. Это объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что до отправленія за границу Петръ развѣ только въ видѣ исключенія занимался вопросами внутренней политики. За то онъ особенно охотно занимался упражненіями въ артиллерійскомъ искусствѣ, работалъ въ химической лабораторіи, читалъ разныя сочиненія о военномъ искусствѣ и забавлялся поѣздками на построенныхъ отчасти собственными руками судахъ. Управление дѣлами онъ до 1697 года предоставлялъ другимъ лицамъ и во время заграничнаго путешествія не затрогивалъ въ перепискѣ съ друзьями вопросовъ внутренней политики. Важнѣйшимъ же результатомъ путешествія Петра, какъ намъ кажется, можно считать то, что Петръ особенно въ Голландіи и Англии привыкъ обращать вниманіе на администрацію и законодательство, и что такимъ образомъ время пребыванія за границею должно было сдѣлаться важнѣйшею эпохою приготовленія Петра къ той широкой и многосложной дѣятельности преобразователя, которая начинается непосредственно послѣ его возвращенія въ Москву осенью 1698 года.

Вообще говоря, поводомъ къ путешествію не было сознаніе Петра, что западная Европа могла сдѣлаться для него политической школою; онъ отправился въ путь не для того, чтобы, какъ думалъ Вольтеръ, — „научиться царствовать“. Но невольнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ путешествія было пріобрѣтеніе множества свѣдѣній, кромѣ техническихъ, относящихся къ кораблестроенію и артиллерійскому искусству, такъ что иностранцы, какъ Лейбницъ, Бломбергъ, Крелль, имѣли основаніе ожидать отъ этого путешествія весьма важныхъ результатовъ для Московскаго государства. Частности развитія въ самомъ царѣ сознанія о такомъ значеніи этой поѣздки остаются для насъ пока неизвѣстными. Вопросъ этотъ однако весьма интересенъ, и

¹⁾ Устряловъ, II, 400.

потому нельзя не желать, чтобы были открыты какія-либо данныя объ отношеніяхъ Петра къ Френсису Ли.

Лейбницъ во время пребыванія Петра въ Англіи изъяслялъ сожалѣніе о томъ, что тѣ люди, съ которыми имѣлъ дѣло Петръ въ западной Европѣ, не умѣли воспользоваться этимъ случаемъ для преподаванія ему главныхъ началъ цивилизаціи, гуманности и пр. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ Лейбницъ порицалъ Голландцевъ и Англичанъ за ихъ равнодушіе къ такимъ высокимъ цѣлямъ и задачамъ человечества ²⁾. Проектъ Френсиса Ли заключаетъ въ себѣ доказательство, что Петръ встрѣчался съ людьми, способными преподавать ему цѣлую систему науки политическаго прогресса, и даже—если только слова „at his own request“ (по желанію царя) не лишены основанія—самъ еще въ Англіи обдумывалъ планъ кореннаго преобразованія своего государства.

²⁾ См. соч. В. Герье: *Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen*, стр. 22 и 23.

А. Бришперъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЬ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССѸ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА.

Изданіе. каналъ, между Воздѣ. и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ за 1877 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Оскія надписи . . . . . И. В. Помяловскаго.

Очерки изъ исторіи литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи во второй половинѣ XVI вѣка . . . . . П. В. Владимірова.

Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго . . . . . А. Г. Брикнера.

Критическія и библіографическія замѣтки.

Изъ древней исторіи Болгаръ. Сочиненіе Матвія Соколова . . . . . К. Я. Грота.

Ө. И. Леонтовичъ. Къ исторіи русскихъ ивродцевъ. Древній Монголо-Калмыцкій или Ойратскій уставъ взысканій (Цаджинъ-Бичикъ) . . . . . Н. А. Попова.

Къ вопросу объ организаціи учебной части въ городскихъ училищахъ . . . . . А. Баранова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній а) низшія училища.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОЧНИКОВѢДѢНІЯ ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

ГЛАВА II.

Донесенія дипломатовъ.

Указавъ въ первой части нашего труда на значеніе при изслѣдованіи исторіи эпохи Петра до 1698 года иностранной современной литературы, мы переходимъ къ разбору тѣхъ матеріаловъ, которые составляютъ нѣчто среднее между отзывами современниковъ въ брошюрахъ и книгахъ, разсужденіями, которыхъ можно сравнивать съ газетами нынѣшняго времени, и архивными данными, дѣловыми бумагами въ тѣсномъ смыслѣ. Мы говоримъ о донесеніяхъ дипломатовъ, которыя иногда имѣютъ чисто официальный характеръ, иногда же и нѣкоторое литературное значеніе. Дипломаты-очевидцы были нерѣдко весьма хорошими наблюдателями. Они могли узнавать множество подробностей, о которыхъ намъ не сообщается ничего въ другихъ источникахъ. Ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы собирать самыя точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о современныхъ событіяхъ. Въ ихъ донесеніяхъ, иногда имѣющихъ тонъ и характеръ дневниковъ, мы не можемъ встрѣчать столь фантастическихъ разказовъ, какъ мы находимъ, напримѣръ, въ брошюрахъ въ родѣ „Der tapfered Moscoviter“ или „Gespräche im Reiche der Todten“. Тѣмъ не менѣе и донесенія дипломатовъ требуютъ при пользованіи ими, какъ историческими источниками, нѣкоторой осторожности и строго-критическаго

---

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

анализа. Дипломаты-наблюдатели не всегда могли быть объективны, безпристрастны; напротивъ того весьма часто они являются односторонними представителями предвзятыхъ мнѣній; въ ихъ донесеніяхъ проявляется иногда гѣкоторая тенденціозность; участвуя сами въ тѣхъ событіяхъ, о которыхъ они пишутъ, они составляютъ собою партію и не могутъ соблюдать совершеннаго безпристрастія. Далѣе, весьма значительная часть повѣствованія основана не на личномъ наблюденіи, многое они знаютъ лишь изъ источниковъ второй и третьей руки. Поэтому иногда и въ донесеніяхъ дипломатовъ, писавшихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ современныхъ событій и распространенныхъ о нихъ слуховъ, встрѣчаются небылицы.

Мы укажемъ въ слѣдующихъ замѣткахъ на цѣлый рядъ такихъ донесеній дипломатовъ, которыми не могъ пользоваться академикъ Устряловъ при составленіи своего сочиненія о Петрѣ Великомъ, и которыми не воспользовался также и С. М. Соловьевъ въ своемъ изложеніи исторіи Петра съ 1682 по 1698 годъ.

Какое громадное значеніе имѣютъ такого рода источники въ данномъ случаѣ, видно изъ депешъ австрійскаго дипломатическаго агента Оттона Плейера, открытыхъ Устряловымъ въ Вѣнскомъ архивѣ и заключающихъ въ себѣ относительно большей части исторіи Петра самый драгоценный, мѣстами ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ. Депеши Плейера, сообщенныя въ подлинникѣ въ приложеніяхъ къ различнымъ томамъ сочиненія Устрялова, обнимаютъ эпоху съ 1695 по 1706 года, а далѣе относятся къ эпизоду съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и составляютъ въ сочиненіи Устрялова безъ малаго двѣсти страницъ. О Плейерѣ существуетъ весьма дѣльная біографическая статья А. Гассельблата, напечатанная въ журналѣ *Russische Revue* (т. VII); но подробная оцѣнка его донесеній, какъ историческаго источника, еще не сдѣлана. Какъ мало однако о Плейерѣ вообще знаютъ между прочимъ и за границею, видно изъ того обстоятельства, что когда проф. Э. Геррманнъ издалъ одно изъ донесеній Плейера, относящееся къ 1700 году и найденное имъ въ Вѣнскомъ архивѣ, онъ не подозрѣвалъ существованія въ печати множества другихъ донесеній Плейера и потому не былъ въ состояніи представить хотя бы и самыя краткія свѣдѣнія о жизни и дипломатической дѣятельности Плейера ¹⁾.

¹⁾ См. предисловіе къ изданію *Геррманна: Zeitgenossische Berichte zur Geschichte Russlands, Leipzig, 1872.*

Другой примѣръ значенія донесеній дипломатовъ представляютъ депеши шведскаго дипломатическаго агента Кохена, которыя отчасти были изданы въ новѣйшее время. Уже извѣстный лифляндскій пасторъ Веніаминъ Бергманъ, написавшій въ началѣ текущаго столѣтія весьма дѣльный по своему времени шеститомный трудъ о Петрѣ Великомъ, имѣлъ случай пользоваться письмами Кохена къ Рижскому генералъ-губернатору Гастферу, писанными въ 1688—1693 годахъ ¹⁾. Въ новѣйшее же время въ журналѣ Русская Старина началось печатаніе русскаго перевода этихъ любопытныхъ писемъ. Въ сентябрьской книжкѣ 1878 года ²⁾ напечатано восемь писемъ, обнимающихъ время съ 23-го сентября 1687 года по 1-го іюня 1688 года, то-есть, ту эпоху, когда Пётръ, приближаясь къ достиженію соперничества, уже началъ слѣдить за современными событіями, и когда такимъ образомъ готовился переворотъ 1689 года.

Укажемъ вкратцѣ на тѣ данныя въ этихъ письмахъ, которыя дополняютъ имѣвшіяся донныя свѣдѣнія о событіяхъ этого времени.

Въ сентябрѣ 1687 года Кохенъ пишетъ о возвращеніи В. В. Голицына изъ перваго Крымскаго похода, и притомъ замѣчаетъ, что Голицынъ, какъ и прежде, находится у кормила правленія. Затѣмъ говорится о страшныхъ потеряхъ, понесенныхъ въ этомъ походѣ; погибло, пишетъ Кохенъ,—около 40—50.000 человекъ, при чемъ однако правительство, какъ замѣчаетъ Кохенъ,—старалось распространить особенно выгодные слухи относительно этого событія и составляло разные проекты о новыхъ налогахъ для покрытія издержекъ войны. Довольно важны нѣкоторыя замѣчанія Кохена о судьбѣ гетмана Самойловича и въ особенности его сына, о конфискованіи имущества павшаго гетмана, значительная доля котораго досталась новому гетману Мазепѣ, и о причинахъ постройки новой крѣпости Богородица на берегу рѣки Самары; цѣлью этого форта было, какъ пишетъ Кохенъ,—не столько служить базисомъ военныхъ операцій противъ Татаръ, сколько мѣстомъ наблюденія за казаками, очень склонными къ соединенію съ Татарами; мысль объ учрежденіи этого форта, какъ узналъ Кохенъ,—принадлежала гетману Мазепѣ.

О томъ, какъ относился Голицынъ къ царю Петру во время регентства Софіи, нѣтъ почти никакихъ данныхъ. Тѣмъ важнѣе замѣ-

¹⁾ См. предисловіе къ сочиненію *Бергманна*, т. I, стр. XII, (Königsberg, 1823).

²⁾ Сообщ. *К. А. Висковатовымъ*, стр. 121—131.

чаніе Кокена въ письмѣ отъ 16-го декабря 1687 года: „Теперь царя Петра стали ближе знать, такъ какъ Голицынь обязанъ нынѣ докладывать его царскому величеству о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, чего прежде не бывало“; въ письмѣ отъ 10-го февраля 1688 года: „Петръ посѣщаетъ думу, и какъ говорятъ, недавно ночью секретно разсматривалъ всѣ приказы“; въ письмѣ отъ 11-го мая 1688 года: „Кажется, что любимцы и сторонники царя Петра отнынѣ примутъ участіе въ управленіи государствомъ; нѣсколько дней тому назадъ братъ матери его, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ пожалованъ въ бояре“ и пр. Далѣе у Кокена встрѣчаются разныя замѣчанія о приготовленіи ко второму Крымскому походу, о ненависти патріарха Іоакима къ иностранцамъ, о броженіи въ народѣ вслѣдствіе негодованія на Голицына, о мятежномъ духѣ Донскихъ казаковъ, объ отношеніяхъ Московскаго правительства къ Швеціи и Польшѣ и пр.

І. Донесенія дипломатовъ въ сочиненіи Посселята о Лефортѣ.

Сочиненіе Посселята о Лефортѣ явилось въ 1866 году. Главное значеніе этого сочиненія, надъ которымъ авторъ трудился пятнадцать лѣтъ, заключается не столько въ разработкѣ, сколько въ сообщеніи совершенно неизвѣстнаго матеріала изъ разныхъ архивовъ. Весьма богатымъ источникомъ для біографіи знаменитаго Женевца, любимца Петра, служили разныя бумаги изъ архива семейства Лефортовъ въ Швейцаріи; для исторіи же Россіи и Петра въ то время гораздо важнѣе депеши разныхъ дипломатовъ изъ архивовъ Голландіи, Швеціи, Пруссіи и Австріи, которыми пользовался Посселятъ, и на которыя мы вкратцѣ укажемъ въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ.

1. Депеши барона Келлера.

Посланникъ Генеральныхъ Штатовъ, баронъ Келлеръ, находился въ Россіи съ 1675 по 1693 годъ. Ко всему этому времени (за исключеніемъ эпохи регентства царевны Софій отъ 1682 до 1689 года) относятся депеши этого дипломата, который игралъ весьма важную роль между иностранцами, проживавшими въ Нѣмецкой слободѣ. Всѣхъ депешъ Келлера, найденныхъ въ голландскомъ архивѣ, насчитывается до 276; къ сожалѣнію пока не найдена переписка барона Келлера съ извѣстнымъ амстердамскимъ бургомистромъ Витсеномъ: безъ сомнѣнія и эта переписка заключала въ себѣ множество данныхъ о современныхъ событіяхъ въ Московскомъ государствѣ. Депеши барона Келлера пока остаются не изданными. О содержаніи ихъ мы знаемъ только изъ сочиненія Посселята, который во многихъ мѣстахъ

своего труда сообщаетъ отрывки изъ этихъ депешъ голландскаго резидента, служащихъ первокласснымъ источникомъ для исторіи какъ царствованія Θεодора Алексѣевича ¹⁾, такъ и перваго времени царствованія Петра Великаго.

Баронъ Іоганъ Вильгельмъ Келлеръ пріѣхалъ въ Россію въ свитѣ голландскаго посольства, во главѣ котораго находился Конрадъ-фонъ-Кленкъ. Генеральные Штаты рѣшили, что для Голландской республики необходимо содержать въ Россіи постоянно дипломатическаго агента, который могъ бы, такъ-сказать, играть роль голландскаго консула и заботиться объ интересахъ голландскихъ купцовъ, находившихся въ Россіи или пріѣзжавшихъ на время въ Московское государство. Келлеръ, человекъ многосторонне образованный, реформатскаго исповѣданія, характера достойнаго безусловнаго уваженія, хотя сначала и не имѣлъ officialнаго званія дипломата, въ продолженіе всего своего пребыванія въ Россіи находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ правительству и многимъ представителямъ высшаго общества. Онъ, какъ мы видѣли выше, былъ хорошо знакомъ съ Голицынымъ, часто видѣлъ Петра и иногда угощалъ его въ своемъ домѣ. Онъ постоянно собиралъ разныя данныя о современныхъ событіяхъ, и благодаря его депешамъ, въ Голландіи во все это время знали подробно о всемъ происходившемъ въ Московскомъ государствѣ.

Укажемъ на нѣкоторые примѣры значенія депешъ барона Келлера за время малолѣтства и юности Петра. Во время царствованія Θεодора онъ сообщаетъ разныя подробности о впечатлѣніи, произведенномъ на московское правительство побѣдою Голландцевъ и Датчанъ надъ Шведами лѣтомъ 1676 года, и какъ Московское правительство старалось распространять извѣстіе объ этомъ радостномъ событіи, особенно между жителями пограничныхъ областей (Поссельтъ, I, 207—208). Довольно любопытно описаніе болѣзни царя Θεодора Алексѣевича въ октябрѣ 1676 года (Посс. I, 777). Разказъ о причинахъ и обстоятельствахъ паденія Матвѣева (Посс. I, 282 и слѣд.) можетъ считаться весьма важнымъ дополненіемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя извѣстны изъ другихъ источниковъ. Мы узнаемъ тутъ разныя частности объ интригахъ враждебныхъ Матвѣеву лицъ, о его добро-

¹⁾ Нельзя не помянуть о томъ, что г. Замысловскій въ своемъ сочиненіи объ источникахъ исторіи царя Θεодора Алексѣевича не обратилъ вниманія на этотъ важный источникъ, правда, лишь отрывками сообщаемый въ разныхъ частяхъ сочиненія *Поссельта*.

желателяхъ, постоянно во время царствованія Θεодора Алексѣевича хлопотавшихъ о возвращеніи знаменитаго вельможи изъ ссылки. Особенно важны нѣкоторыя данши, относящіяся къ исторіи Чигиринскихъ походовъ. Вотъ образчикъ депешъ Келлера. Онъ пишетъ послѣ занятія Чигиринской крѣпости Турками: „Нельзя изобразить страшнаго исхода этой войны. Благодаря плохимъ распоряженіямъ генерала Ромодановскаго, околѣло съ голоду нѣсколько тысячъ лошадей, трупы которыхъ, брошенные въ рѣку, испортили и воздухъ, и воду, такъ что распространилась повальная болѣзнь, жертвою которой сдѣлалась немовѣрно большая часть войска; болѣзнь эта еще и теперь свирѣпствуетъ въ этомъ краѣ“. Не много позже, когда начались переговоры съ Турками о мирѣ, баронъ Келлеръ пишетъ: „Я узналъ sub rosa (то-есть, чрезъ тайный источникъ), что его царское величество отправилъ тайкомъ курьера къ султану съ покорнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ проситъ мира“ (Посс. I, 478—479). Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя любопытныя подробности о переговорахъ и о трактатѣ, заключенномъ въ 1681 году (см. Посс. I, 493—494) и вообще о разныхъ частностяхъ, относящихся къ восточному вопросу.

Весьма важенъ разказъ Келлера о послѣдней болѣзни царя Θεодора Алексѣевича и о состоявшемся въ послѣднее время этого царствованія помилованіи Матвѣева: о приближеніи послѣдняго къ столицѣ и объ избраніи Петра царемъ 27-го апрѣля 1682 года (Посс. I, 317—44).

Объ образѣ жизни Петра послѣ переворота 1689 года баронъ Келлеръ сообщаетъ весьма важныя подробности. Лѣтомъ 1691 года голландскій резидентъ устроилъ у себя для царя пиръ, о которомъ разказано въ депешѣ отъ 19-го іюня (Посс. I, 501—507). Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ баронъ Келлеръ за развитіемъ умственныхъ способностей юнаго царя. Съ радостью пишетъ онъ въ началѣ 1692 года, что Петръ интересуется не только военнымъ искусствомъ, но также и торговлей. Онъ называетъ Петра „молодымъ героемъ“ и разказываетъ, въ какомъ отчаяніи были иноземцы по случаю опасной болѣзни Петра въ концѣ 1692 года и пр.

Достойны вниманія въ депешахъ барона Келлера между прочимъ и тѣ данныя, которыя относятся къ внѣшней политикѣ за первое время царствованія Петра Великаго. Уже изъ дневника Патрика Гордона мы знаемъ, что московское правительство не ставило высоко короля Якова II и радовалось государственному перевороту 1688 года въ Англіи. Келлеръ, какъ представитель Голландской республики,

былъ, разумѣется, очень доволенъ такимъ настроеніемъ Московскихъ царей въ пользу Вильгельма Оранскаго и съ удовольствіемъ сообщалъ своему правительству о такомъ расположеніи Петра къ Англіи и Голландіи. Въ депешѣ отъ 24-го іюня 1692 года Келлеръ пишетъ, что Петръ желалъ бы подъ руководствомъ Англійскаго короля участвовать въ походахъ противъ Франціи. Келлеръ сообщаетъ также, что по случаю побѣдъ Вильгельма III надъ Франціей Петръ устраивалъ празднества въ Москвѣ (Посс., I, 518—519) и т. п.

2. Донесенія дипломатовъ, относящіяся къ путешествію Петра.

Кромѣ многихъ писемъ Франца Лефорта и его племянника Петра Лефорта о путешествіи Петра, въ сочиненіи Посселята встрѣчаются еще нѣкоторые важные документы, заключающіе въ себѣ весьма любопытныя данныя о различныхъ эпизодахъ этого знаменитаго странствованія. Важнѣйшія изъ этихъ донесеній, сдѣлавшіяся извѣстными исключительно чрезъ книгу Посселята, суть слѣдующія:

а) Лившерна.

Извѣстно, что Петръ былъ крайне недоволенъ своимъ пребываніемъ въ Ригѣ, что это обстоятельство повліяло даже на начало Сѣверной войны, и что до настоящаго времени нелегко рѣшить вопросъ, имѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ Петръ Великій достаточное основаніе къ столь сильному негодованію. Такъ напримѣръ, Устряловъ довольно рѣзко осуждаетъ образъ дѣйствій Рижскаго генералъ-губернатора Дальберга, не хотѣвшаго дозволить царю обозрѣть укрѣпленія города, даже издали въ зрительную трубу, при чемъ Петръ былъ оскорбленъ наглымъ крикомъ и угрозами шведскихъ солдатъ. Напротивъ того г. Соловьевъ весьма справедливо замѣчаетъ: „Желаніе Петра осмотрѣть Рижскія укрѣпленія не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отецъ этого самаго царя стоялъ съ войскомъ подъ Ригой, а сынъ безъ устали строитъ корабли и вмѣсто того, чтобъ сражаться съ Турками, предпринимаетъ таинственное путешествіе на западъ!“¹⁾

Генералъ-губернаторъ Дальбергъ въслѣдствіи составилъ записку, въ которой объяснялъ свой образъ дѣйствій и оправдывался весьма успѣшно. Онъ съ точки зрѣнія военной политики долженъ

¹⁾ Устряловъ, III, 29; Соловьевъ, XIV, 250.

былъ сдерживать Русскихъ, желавшихъ ознакомиться съ крѣпостью ¹⁾. Изъ писемъ царя къ Виніусу и Ромодановскому изъ Риги видно, какъ онъ наблюдалъ за стратегическимъ положеніемъ и интересовавшаго его города, какъ старался собрать данныя о количествѣ находившихся въ немъ солдатъ и пр.

Г. Устряловъ выразилъ удивленіе тому, что въ Ригѣ не пожелали видѣть царя, что Дальбергъ не сдѣлалъ даже попытки познакомиться съ Петромъ. Дальбергъ, какъ онъ писалъ впоследствии, — не сдѣлалъ визита русскимъ посланъ, потому что московское посольство было назначено не къ Шведскому королю и только проѣздомъ чрезъ шведскія владѣнія находилось въ Ригѣ. И прежде въ подобныхъ случаяхъ не бывало визитовъ. Нарушать строго наблюдаемое Петромъ инкогнито Дальбергъ не могъ. Поэтому онъ долженъ былъ держать себя въ сторонѣ.

Устряловъ далѣе упрекаетъ Дальберга въ томъ, что онъ приставилъ къ посланъ капитана Лилъшерна, который, какъ замѣчаетъ Устряловъ, — могъ бы служить только собесѣдникомъ развѣ столыпику, но не адмиралу и боярину, имѣвшимъ въ своей свитѣ царя Московскаго²⁾.

Этотъ самый капитанъ Лилъшерна, также какъ и генералъ-губернаторъ Дальбергъ, составилъ особую записку, въ которой заключался разказъ о пребываніи царя въ Ригѣ. Изъ этой записки, хранящейся въ Стокгольмскомъ архивѣ, г. Поссельтъ сообщаетъ слѣдующее: „Ходилъ слухъ, что самъ царь находится при посольствѣ; хотя подъ страхомъ смертной казни было запрещено говорить объ этомъ, я все-таки старался получить на этотъ счетъ точныя извѣстія, однако не могъ склонить ни одного члена свиты посольства, сообщить мнѣ достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ обстоятельстве; еще менѣе я могъ достигнуть того, чтобы мнѣ указали личность государя въ свитѣ посольства; однако я замѣтилъ одно лицо въ нехорошемъ платьѣ, которое отличалось величавостью, и не смотря на небрежность одежды обращало на себя мое вниманіе болѣе, чѣмъ всѣ остальные лица. Этого человѣка я однажды засталъ въ весьма серьезной бесѣдѣ съ первымъ посломъ. Я тогда имѣлъ порученіе отъ графа Дальберга просить отъ его имени извиненія за то, что стража не хотѣла дозволить нѣкоторымъ лицамъ, принадлежавшимъ къ свитѣ посольства

¹⁾ *Lamberty*, Memoires pour servir à l'histoire au XVIII siècle. A la Haye, 1724. I. 179.

прогуливаться на валахъ и по контр-эскарпамъ крѣпости, и такъ какъ эти лица не хотѣли удалиться, была вынуждена настаивать на запрещеніи, грозя оружіемъ. Г. первый посолъ привялъ эти объясненія очень благосклонно и возразилъ, что стража исполнила свой долгъ и дѣйствовала совершенно правильно; онъ обѣщаль даже дать приказаніе, чтобы такого рода приключенія не могли повторяться¹⁾.

И изъ другаго источника, а именно изъ недавно изданнаго продолженія современнаго этимъ событіямъ сочиненія, *Lifländische Historia* Христиана Кельха, мы знаемъ, что Лефорть при этомъ случаѣ велъ себя весьма осторожно и благоразумно, считая образъ дѣйствій генераль-губернатора Дальберга и солдатъ гарнизона совершенно правильнымъ. Разказомъ Кельха вполне подтверждается записка Лильешерна.²⁾

Вообще въ сочиненіи Кельха встрѣчаются разныя данныя о пребываніи Петра въ Лифляндіи весною 1697 года, и въ особенности о затрудненіяхъ, съ которыми боролись представители шведскаго правительства при снабженіи русскихъ путешественниковъ подводами и съѣстными припасами, такъ какъ въ то время въ этой странѣ господствовала страшная дороговизна.

б) Рейеръ Чапличъ.

Въ 1689 году, еще во время правленія царевны Софіи, въ Москвѣ находился бренденбургскій дипломатическій агентъ Чапличъ. Черезъ него былъ заключенъ съ курфирстомъ договоръ о свободной торговлѣ между подданными обонхъ государствъ, по ходатайству того же Чап-

¹⁾ *Possems*, II, стр. 385.

²⁾ «Da unterschiedliche von ihrer Suite so kühn waren, dass sie umb die Stadt ritten, und auf allen Höhen dieselbe nicht allein durch Perspectiven genau besichtigten, sondern auch beyde Festungen mit der Situation des Ortes abzeichneten, und der Gräben Tiefe zu messen sucheten, auch sonst auf den Wällen und Aussenwerken alles in Augenschein zu nehmen auf und abgingen, begehrte der Gen. Gouv. von dem Generale Le Fort mit aller Bescheidenheit, dass ihnen solches möchte verboten werden, weil ihne als einem grossen Generale nicht könnte unbekannt seyn, das solches bey keiner Festung in Europa geduldet und zugelassen würde; wie denn auch mehrgedachter Ambassadeur und General sich hierauf höflich entschuldigte, dass solches ohne sein Vorwissen geschehen wäre, mit der Versicherung, dass er soles hinführo seinen tölpischen Russen (dieses waren seine eigenen Worte) wohl verbieten wollte». *Christian Kelch*, *Lifländische Chronica. Continuation 1690—1707*. Nach der Originalhandschrift zum Druck gegeben von *Johannes Rossius*, Dorpat, 1875, стр. 57—58.

лича дана была царская грамота о дозволеніи пріѣзжать въ Россію и селиться французскимъ эмигрантамъ евангелическаго исповѣданія, принужденнымъ оставить отечество вслѣдствіе уничтоженія Нантскаго эдикта ¹⁾).

Этотъ же самый Чапличъ, немного позже, весною 1697 года, въ то время, когда Бранденбургскій курфирсть ожидалъ пріѣзда московскаго посольства, имѣлъ отъ своего правительства порученіе слѣдить за путешествіемъ Петра до его прибытія въ Кенигсбергъ и сообщать донесенія о пребываніи царя въ Прибалтійскомъ краѣ. Изъ бранденбургскаго, то-есть, берлинскаго архива г. Посельтома заимствованы два донесенія Рейера Чаплича отъ 4/11-го мая и отъ 9/19-го мая 1697 года, адресованныя къ бранденбургскому министру Данкельманну.

Рейеръ Чапличъ долженъ былъ поѣхать на встрѣчу царю до Либавы, чтобы въ этомъ мѣстѣ наблюдать за нимъ; однако онъ остановился въ Мемелѣ, потому что опасался, что для него не окажется возможнымъ сохранять въ Либавѣ инкогнито, а далѣе потому, что считалъ весьма вѣроятнымъ, что Петръ изъ Либавы отправится въ Кенигсбергъ не чрезъ Пиллау, а чрезъ Мемель. Изъ Мемеля же Рейеръ отправлялъ нарочныхъ въ разные направленія съ цѣлью узнать, какимъ путемъ можно ожидать русскихъ путешественниковъ. Такимъ образомъ онъ узналъ, что большая часть послѣднихъ, а именно послы, ѣхали сухимъ путемъ. О Петрѣ же онъ пишетъ слѣдующее: „Послѣ моего возвращенія сюда въ Мемель вчера послѣ обѣда пріѣхалъ изъ Либавы водою одинъ студентъ, который разказывалъ, что въ тотъ самый день, когда онъ выѣхалъ изъ Либавы, судно, на которомъ находилось нѣкоторое значительное число Москвитянъ и много багажа, отправилось въ Пиллау. На мой вопросъ: находился ли самъ царь между этими пассажирами, студентъ не могъ мнѣ дать рѣшительнаго отвѣта; онъ однако говорилъ, что и въ Либавѣ, и до того еще въ Мятавѣ онъ видѣлъ царя и нарисовалъ карандашемъ портретъ его и портреты его спутниковъ. Въ Либавѣ, какъ студентъ разказывалъ далѣе—царь особенно снисходительно обращался съ нѣкоторыми шкиперами, сидѣлъ съ ними въ винномъ погребѣ, шутилъ съ ними и до излишества угощалъ ихъ виномъ; при разговорѣ съ ними онъ выражался на нижне-саксонскомъ нарѣчій, одѣтъ былъ какъ шкиперъ, и когда одинъ изъ шкиперовъ далъ почувствовать царю, что онъ считаетъ его царемъ, Петръ старался убѣ-

¹⁾ См. Ист. Росс. *Соловьева*, т. XIV, стр. 65.

дить его въ противномъ, утверждая, что онъ лишь занимаетъ мѣсто шкипера на одномъ изъ московскихъ судовъ, назначенныхъ для каперства. Тогда шкиперъ осмѣлился спросить: противъ кого же направлено дѣйствіе этихъ московскихъ судовъ? На это царь возразилъ: „Вы, милостивый государь, этого не понимаете“. И послѣ этого царь сталъ приставать къ шкиперу съ просьбою пить еще болѣе“.

Въ Мемелѣ Рейеръ дождался пріѣзда русскихъ пословъ. Поботившись заранѣе о приготовленіи помѣщенія для проѣзжающихъ Москвитянъ, онъ принялъ ихъ особенно вѣжливо и радушно и въ донесеніи къ самому курфирсту хвалить русскихъ пословъ, съ которыми онъ довольно скоро сошелся въ переговорахъ о нѣкоторыхъ частностяхъ церемоніала ¹⁾. Достоинно вниманія слѣдующее замѣчаніе Рейера: „Вообще я во всѣхъ трехъ послахъ не встрѣтилъ того упрямства, которымъ отличались прежніе московскіе дипломаты и пр.“

Рейеръ разговаривалъ съ Лефортомъ, Головинымъ и Возницкимъ о ихъ пребываніи въ Лифляндіи и Курляндіи и пишетъ, что они чрезвычайно довольны приемомъ, оказаннымъ имъ въ Курляндіи; „тѣмъ болѣе“, сказано далѣе, — „они недовольны особенно худымъ приемомъ въ Лифляндіи, гдѣ къ нимъ относились очень не учтиво и пр.“

Отъ вниманія Рейера не ускользнуло и то обстоятельство, что въ свитѣ пословъ было много Нѣмцевъ, и что только низшая прислуга состояла изъ Русскихъ ²⁾.

с. Крейзенъ.

Послѣ пребыванія въ Кенигсбергѣ Петръ еще нѣкоторое время находился въ Пиллау до отъѣзда водою въ Кольбергъ. Тутъ онъ отпраздновалъ 29-го іюня день Петра и Павла. При этомъ случаѣ произошло весьма непріятный эпизодъ, о которомъ до новѣйшаго времени въ исторической литературѣ ничего не было извѣстно.

Въ Кенигсбергѣ Петръ находился, какъ кажется, въ самыхъ хорошихъ сношеніяхъ съ Бранденбургскимъ курфирстомъ. О его пребываніи въ этомъ городѣ мы знаемъ кое-что изъ писемъ курфирстини Софіи-Шарлотты, которая, находявшись въ это время въ Ганноверѣ у своей матери, переписывалась съ нѣкоторыми лицами,

¹⁾ Объ этомъ сложномъ вопросѣ см. инструкцію курфирста Чаплича въ соч. *Шоссельта*, II, 589—591.

²⁾ См. списокъ лицъ въ свитѣ посольства у *Устралова*, III, 572—575.

окружавшими Фридриха III, и собирала разные данныя о томъ, какъ Московскій царь, съ которымъ она немного позже должна была встрѣтиться въ Коннепбургге, проводилъ время въ Кенигсбергѣ, и какое онъ производилъ впечатлѣніе на сановниковъ, находившихся при курфирствѣ.

Въ Кенигсбергѣ между царемъ и курфирстомъ происходили переговоры по вопросамъ внѣшней политики. Фридрихъ III старался убѣдить царя въ необходимости заключенія наступательнаго союза противъ Швеціи. Петръ, главнымъ образомъ занятый восточными вопросомъ, уклонялся отъ заключенія такового союза. Въ самое послѣднее время пребыванія Петра въ Кенигсбергѣ курфирствъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ царемъ, въ которыхъ говорилось объ этомъ предметѣ, но дѣль, имѣвшаяся въ виду курфирстомъ, все-таки не была достигнута. Договоръ, заключенный между Бранденбургскимъ и Московскимъ государствами въ это время въ общихъ выраженіяхъ, содержалъ въ себѣ опредѣленія относительно менѣе важныхъ вопросовъ.

Какъ бы то ни было, личные отношенія между двумя государями были дружескія. Фридрихъ III не щадилъ денегъ для угощенія дорогаго гостя. Въ письмѣ одного частнаго лица въ Швейцарію сказано, что Бранденбургскій курфирствъ истратилъ при этомъ случаѣ весьма значительную сумму въ 150,000 талеровъ. Въ Голландіи даже носился слухъ, будто Петръ вмѣстѣ съ Бранденбургскимъ курфирстомъ въ Кенигсбергѣ приобщался св. тайнъ по евангелическому обряду¹⁾.

Уже въ началѣ іюня Петръ оставилъ Кенигсбергъ и отправился въ Пиллау. Тутъ онъ продолжалъ заниматься изученіемъ артиллерійскаго искусства подъ руководствомъ подполковника Штейгнера фонъ-Штернфельда и ждалъ извѣстій изъ Польши о происходившемъ тамъ выборѣ короля.

О праздникѣ 29-го іюня въ статейномъ стилѣ посольства Лефорта, Головина и Возницына, изданномъ также послѣ появленія сочиненія Устрялова, сказано слѣдующее:

„Іюня въ 29-й день, то-есть, во вторникъ, былъ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, въ который и именина благовѣрнаго великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, великіе и полномочные

¹⁾ См. письмо Арпенгона, находившееся въ архивѣ семейства Лефорта и сообщенное *Поселытому* въ т. II, стр. 401—413.

послы праздновали, и были у всеобщаго бдѣнія, и слушали святую литургію, а по литургіи пѣли молебень и обѣдали у генерала и адмирала у Франца Яковлевича Лефорта; и въ тотъ же день съ поздравленіемъ курфирсть присылалъ къ великимъ и полномочнымъ посломъ ближнихъ своихъ людей Пруссіе земли канцлера Кренца съ товарищомъ. И великіе и полномочные послы за то поздравленіе благодарствовали. Того же числа къ вечеру были огнестрѣльныя потѣхи и перховые и водяныя ракеты, которые устроены отъ московскихъ бомбардировъ, вѣло изрядное и удивленію достойные¹⁾.

Дѣло въ томъ, что Петръ ожидалъ пріѣзда самого курфирста въ Пиллау и былъ весьма недоволенъ отсутствіемъ Фридриха III, который изъявилъ сожалѣніе о томъ, что не имѣетъ возможности пріѣхать въ Пиллау, такъ какъ ему нужно немедленно отправиться въ Мемель для свиданія съ герцогомъ Курляндскимъ. Волненіе Петра выразилось въ его обращеніи съ лицами, которымъ было поручено объяснить причину отсутствія курфирста.

Вотъ разказъ графа Крейцена въ донесеніи къ министру Данкельману о происшествіи въ Пиллау:

„Вслѣдствіе полученнаго мною отъ вашего превосходительства предписанія я вмѣстѣ съ господиномъ ландфогтомъ фонъ-Шакевомъ отправился въ Пиллау, чтобъ отъ имени курфирста поздравить царя. Въ 11 часовъ мы въ домѣ инспектора Штенглера были допущены къ аудіенціи и были введены г. фонъ-Принценомъ къ царю. Мы застали его величество стоящимъ вмѣстѣ съ послами у окна; такъ какъ въ комнатѣ было очень много народу, мы должны были подойти весьма близко къ царю и посламъ; я произнесъ поздравленіе по возможности кратко, потому что г. Принценъ совѣтовалъ мнѣ говорить не долго; однако я все-таки долженъ былъ сократить свою рѣчь еще болѣе, такъ какъ г. главный посолъ, Лефортъ, далъ мнѣ знакъ кончить поскорѣе, что я и сдѣлалъ. Во время аудіенціи царь нѣсколько разъ облокачивался лѣвою рукою на подоконникъ, и по окончаніи моей рѣчи безъ всякаго отвѣта удалился въ смежную комнату, между тѣмъ какъ тутъ же при немъ были его послы, а также и толмачи. Затѣмъ насъ пригласили къ обѣду, въ которомъ участвовало 10 человекъ; мы сидѣли возлѣ пословъ; за обѣдомъ попеременно играли царскіе трубачи и музыканты крѣпости Пиллау. Между тѣмъ были поданы

¹⁾ См. Памятники дипломатическихъ сношеній, томъ VIII, стр. 876. С.-Петербургъ, 1867.

два серебряные сосуда и задравные кубки, въ которые можно было налить по одной мѣрѣ вина, и которые были выпиваемы господиномъ Лефортомъ разомъ. Его величество однако не предлагалъ никакого тоста. Мы все время, на сколько это было возможно, держали себя скромно и съ великимъ терпѣніемъ оставались до конца обѣда, при которомъ его величество, сколько можно было замѣтить, съ послами говорилъ о новыхъ извѣстіяхъ, въ особенности о выборѣ Польскаго короля: между прочимъ царь поцѣловалъ Лефорта, который во время бесѣды съ царемъ держалъ во рту трубку; далѣе царь цѣловалъ также голову сидѣвшаго возлѣ него шута. Какъ скоро царь всталъ изъ-за стола, мы проводили его величество до смежной комнаты и пошли затѣмъ въ свою квартиру, находившуюся въ домѣ напротивъ инспекторскаго дома. Побывъ тамъ для нѣкотораго освѣженія около четверти часа, мы были приглашены опять къ его величеству. Г. Принцъ сказалъ намъ, что мы тотчасъ же должны возвратиться къ обществу. Мы пошли немедленно: комната была до того наполнена музыкантами и другими людьми, что почти не было возможно движеніе. При этомъ поднялась совсѣмъ неожиданно мрачная туча; царь на голландскомъ языкѣ сказалъ Лефорту: „Курфирстъ добръ, но его совѣтники черти“. При этомъ онъ на меня смотрѣлъ съ выраженіемъ неудовольствія. Я ни слова не возразилъ, но подался немного назадъ въ намѣреніи удалиться и уйти отъ раздраженія царя, но его величество, удалился, два раза положивъ свою руку на мою грудь, сказалъ: „Пошелъ, пошелъ!“ Я тотчасъ же вмѣстѣ съ господиномъ ландфогтомъ отправился въ свою квартиру и полчаса позже оставилъ городъ Пиллау“.

Въ тотъ же самый день Петръ обратился къ курфирсту съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ: „Милостивый государь, ваши депутаты сегодня, поздравивъ меня отъ вашего имени, не только поступили непривѣтливо, но даже причинили намъ такую досаду, какой я никогда не ожидалъ отъ васъ, какъ отъ моего искреннаго друга; а что еще хуже, они, не заявивъ объ этомъ и не дождавшись нашего отвѣта, убѣжали. Я долженъ сообщить объ этомъ вамъ, какъ лучшему моему другу, не для разрушенія нашей дружбы, но въ знакъ неподдѣльной дружбы, дабы изъ-за такихъ негодяевъ-служителей не возникло безъ всякой причины несогласія“ ¹⁾.

¹⁾ Письмо Крейцена у *Поселета*, II, 600—601; письмо Петра у *Поселета* II, 407. Оно въ Берлинскомъ архивѣ найдено въ нѣмецкомъ переводѣ «Traduction

Объ этомъ странномъ и нѣсколько загадочномъ эпизодѣ нигдѣ не встрѣчается какого-либо объясненія или замѣчанія. Только въ одномъ современномъ донесеніи одного изъ папскихъ нунціевъ упоминается объ этомъ фактѣ. Папскій нунцій въ Польшѣ, въ донесеніи 16-го августа 1697 года сообщивъ о нѣкоторыхъ частностяхъ пребыванія Петра въ Кенигсбергѣ, продолжаетъ: „Между тѣмъ произошло нѣкоторое приключеніе, измѣнившее хорошія отношенія этого государя съ курфирстомъ. Царь желалъ отпраздновать день рожденія курфирста (sic) ¹⁾ и для этой цѣли приготовилъ фейерверкъ на назначенныхъ для него судахъ, стоявшихъ на якорѣ у города Пиллау. Курфирстъ извинился мнимыми нужными дѣлами и вмѣсто себя послалъ своего канцлера. Однако царь, недовольный такою замѣной и подозрѣвая, что его обширныя приготовленія къ празднеству не удостоятъ надлежащаго вниманія, разсердился, тѣмъ болѣе, что онъ замѣтилъ улыбку на лицѣ канцлера. Онъ ухватился за послѣдняго кулаками и взялся бы даже за оружіе, еслибы не былъ удержанъ своими же царедворцами въ сносѣ раздраженія. Послѣ этого происшествія курфирстъ не думалъ болѣе о свиданіи съ царемъ“.

Такимъ образомъ пребываніе Петра во владѣніяхъ Бранденбургскаго курфирста кончилось не совсѣмъ удачно. Трудно рѣшить, на сколько былъ виноватъ самъ канцлеръ Крейценъ. Во всякомъ случаѣ Петръ увлекался, обращаясь съ лицомъ, поздравившимъ его отъ имени курфирста, неприлично и показывая свое раздраженіе грубымъ образомъ. Съ другой стороны, нельзя удивляться тому, что царь былъ оскорбленъ пренебреженіемъ, съ которымъ Фридрихъ III отнесся къ празднеству, столь тщательно приготовленному самимъ Петромъ. Погостивъ у курфирста, Петръ желалъ видѣть у себя послѣдняго и при этомъ случаѣ показать свое искусство въ пиро-техникѣ. Можетъ быть, курфирстъ былъ недоволенъ несогласіемъ царя на наступательный союзъ противъ Швеціи. Впослѣдствіи Петръ и Фридрихъ стали союзниками и нуждались другъ въ другѣ; интересы Московскаго государства весьма часто сходились съ интересами Пруссіи. Оба государства должны были скоро занять мѣсто первоклассныхъ державъ: Бранденбургскій курфирстъ превратился въ Прусскаго короля, Мо-

---

des Czarischen eigenhandigen Schreibens», между бумагами «Acta betr. den Durchzug der grossen Moscovitischen Gesandtschaft». Очевидно, подлинникъ письма былъ писанъ на русскомъ языкѣ.

¹⁾ *Theiner*, *Monuments historiques*, Rome 1859 стр. 369.

сковскій царь сдѣлался Всероссійскимъ императоромъ. Сѣверная война, начавшаяся тремя годами позже непріятнаго эпизода съ графомъ Крейценомъ въ Пиллау, сблизила обоихъ государей, едва не поссорившихся въ іюнѣ 1697 года изъ-за мелкихъ вопросовъ этикета и церемоніала.

д. Геемсъ.

О нѣкоторыхъ частностяхъ пребыванія Петра во владѣніяхъ Бранденбургскаго курфирста мы узнаемъ еще изъ одного источника, а именно изъ донесенія императорскаго дипломатическаго агента А. Геемса (Heems), находившагося въ то время въ Кенигсбергѣ и знавшаго изъ устъ важнѣйшаго сановника при бранденбургскомъ дворѣ, министра Данкельмана, нѣкоторыя подробности объ обстоятельствахъ пребыванія царя въ Пиллау и Кенигсбергѣ. Мы укажемъ только на тѣ мѣста въ донесеніи Геемса, которыя дополняютъ уже имѣющіяся свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ.

Геемсъ пишетъ 27-го мая, что сначала въ Кенигсбергѣ не хотѣли вѣрить слуху объ участіи самого царя въ путешествіи, такъ какъ считали невѣроятнымъ, чтобы царь покинулъ свое государство во время войны съ Турками и Татарами. О прибытіи царя изъ Либавы въ Пиллау Геемсъ пишетъ слѣдующее: Курфирстъ отпривилъ герцога Голштейнъ-Бекскаго въ Пиллау, чтобы принѣтствовать царя. Судно, на которомъ находился Петръ, было встрѣчено залпомъ изъ нѣсколькихъ пушекъ. Пассажиры должны были перейти на меньшее судно для продолженія пути по рѣкѣ Прегелю. Герцогъ Голштейнъ-Бекскій отправилъ на судно г. Принцена поздравить съ пріѣздомъ знатное лицо, на немъ находившееся, на что однако Русскіе возражили, что никакого знатнаго лица вовсе нѣтъ на суднѣ, и что тамъ находится только царевичъ Имеретинскій да нѣкоторая часть по-сольской свиты. Когда судно проходило мимо дворца Фридрихсгофа, оно было встрѣчено опять пушечною пальбою. И тутъ было повторено объясненіе о неахожденіи на суднѣ знатнаго лица. Наконецъ доѣхали до Кенигсберга. Тамъ путешественникамъ не понравилось приготовленное для нихъ помѣщеніе; они отыскали для себя другое и цѣлый день были заняты перевозкою туда багажа. Царь не раньше, какъ въ 11 часовъ вечера, вышелъ на берегъ и былъ встрѣченъ въ своей квартирѣ достоюжнымъ образомъ и пр.

Такъ какъ о пріемѣ, оказанномъ Петру въ Кенигсбергѣ, встрѣчаются въ сочиненіи Устрялова разныя данныя, заимствованныя отчасти

изъ сочиненій извѣстнаго бранденбургскаго церемоніймейстера Бессера, то мы не считаемъ нужнымъ указывать на остальное содержаніе донесенія Геемса ¹⁾, которое однако свидѣтельствуетъ, во первыхъ, о томъ, что царь, прїѣзжая въ Кенигсбергъ, строго наблюдалъ инкогнито, и во вторыхъ, свидѣтельствуетъ, въ какой мѣрѣ австрійское правительство интересовалось поѣздкою царя.

Въ Вѣнѣ знали, что одною изъ главныхъ цѣлей путешествія Петра будетъ свиданіе съ императоромъ Леопольдомъ. Еще не было извѣстно, каковъ будетъ маршрутъ Петра. Только въ Пруссіи, какъ кажется, царь рѣшился отложить посѣщеніе императора до позднѣйшаго времени и сначала отправиться въ Голландію и Англію. Во время пребыванія въ этихъ странахъ Петръ былъ предметомъ особеннаго вниманія австрійскихъ дипломатовъ, о чемъ свидѣлствуютъ весьма интересныя донесенія Гофманна и Ауерсперга изъ Лондона.

3. Донесенія Гофманна изъ Лондона.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ А. Гедеке (Gaedeke) нашелъ въ вѣнскомъ архивѣ донесенія австрійскаго резидента Гофманна, въ которыхъ встрѣчаются многія данныя о пребываніи Петра въ Англіи. Эти депеши были сначала напечатаны въ журналъ *Im neuen Reich* а затѣмъ еще разъ явились въ сочиненіи Задлера: *Peter der Grosse als Mensch und Regent* (St.-Petersburg 1872, стр. 240—244).

8-го января 1698 года Гофманнъ пишетъ, что въ Лондонѣ ежедневно ожидаютъ прїѣзда Петра, и что для него нанятъ небольшой домъ на берегу Темзы. О прїѣздѣ царя самъ король Вильгельмъ III разказывалъ Гофманну разныя подробности. На пути въ Англію Петръ много бесѣдовалъ съ контрадмираломъ Митчелемъ о судостроеніи и мореплаваніи, лазилъ на мачты и одѣвался какъ простой матросъ. Приближаясь къ Лондону, Петръ перешелъ на то судно, на которомъ находился багажъ. Король Вильгельмъ замѣтилъ, что Петръ исключительно занятъ морскимъ дѣломъ и совершенно равнодушенъ къ самымъ великолѣпнымъ дворцамъ и роскошнымъ садамъ, и что онъ владѣетъ голландскимъ языкомъ лишь на столько, чтобы поговорить о предметахъ мореплаванія и судостроенія.

О посѣщеніи Петра королемъ Вильгельмомъ Гофманнъ пишетъ слѣдующее: Король прїѣхалъ къ царю въ сопровожденіи двухъ ан-

¹⁾ Донесеніе Геемса, заимствованное изъ вѣнскаго архива, напечатано въ соч. *Цоссельта*; II, 597—599.

гійскихъ вельможъ и засталъ Петра не одѣтымъ, въ жилетѣ. Петръ спалъ въ одной небольшой комнатѣ вмѣстѣ съ царевичемъ Имеретинскимъ и еще тремя или четырьмя лицами; когда вошелъ туда король, воздухъ былъ тамъ такой тяжелый, что не смотря на холодную погоду нужно было отворить окно.

Затѣмъ разказывается о посѣщеніи короля Петромъ, при чемъ царь могъ говорить по голландски на столько свободно, что не нуждался вовсе въ переводчикѣ, о портретѣ Петра, писанномъ по порученію короля извѣстнымъ живописцемъ Неллеромъ, и о томъ, что Петръ негодовалъ на англійскій парламентъ, стѣсняющій дѣйствія уважаемаго имъ короля въ государственныхъ вопросахъ.

Изъ депешъ Гофманна видно, что до заключенія Петромъ договора съ маркизомъ Кармартеномъ о табакѣ, онъ на этотъ счетъ велъ переговоры съ московскою компаніей англійскихъ купцовъ, и что при заключеніи этого договора Кармартенъ былъ лишь представителемъ нѣкоторой группы капиталистовъ ¹⁾. Гофманнъ пишетъ далѣе, какъ англійское духовенство ухаживало за царемъ, стараясь объяснить ему всѣ частности обрядовъ государственной церкви въ Англии, и что Петръ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ епископамъ; изъ этого обстоятельства выводили заключеніе, что царь вообще ставитъ духовенство весьма высоко. Довольно любопытны также нѣкоторыя подробности о томъ какъ Петръ посѣтилъ засѣданіе англійскаго парламента. Онъ находился въ чердакѣ надъ заломъ, въ которой происходило засѣданіе, и оттуда чрезъ окошечко видѣлъ все происходившее внизу. Самъ король Вильгельмъ участвовалъ въ этомъ засѣданіи ²⁾.

Вообще отзывъ Гофманна о личности Петра не особенно благоприятенъ. По случаю отъѣзда Петра изъ Англии онъ замѣчаетъ: „Говорятъ, что онъ намѣренъ поднять своихъ подданныхъ на уровень цивилизаціи другихъ народовъ. Однако изъ его здѣшняго образа дѣйствій нельзя было усмотрѣть другаго намѣренія, какъ лишь же-

¹⁾ См. депеша Гофманна отъ 7-го марта и 7-го мая; въ Импер. Публ. Библиотекѣ въ С.-Петербургѣ находится листъ подъ заглавіемъ: «The case of the contractors with the Czar of Muscovy fore the sole importation of Tobacco», изъ котораго видно, что договоръ подлежалъ утвержденію англійскаго парламента, а также, что такъ-называемая Russia-Company не хотѣла взять на себя это дѣло.

²⁾ Въ Англии, какъ пишетъ Гофманнъ, — ходило въ публикѣ слѣдующее bon-mot: Кто-то замѣтилъ, «daas er das garste Ding von der Welt gesehen, nehmlichen einen Kōnig auf dem Thron und einen Kayser auf dem Dache darvon».

ланія сдѣлать изъ Русскихъ моряковъ: онъ почти исключительно обращался съ моряками и уѣхалъ такимъ же мизантропомъ, какимъ онъ пріѣхалъ въ Англію“.

Нѣсколько выгоды о личности Петра судилъ чрезвычайный императорскій посолъ графъ Ауерспергъ въ письмѣ къ императору Леопольду отъ 2-го мая; тутъ между прочимъ сказано: „Что касается до личности царя, то здѣшній дворъ имъ очень доволенъ, ибо онъ теперь не столько боится людей, какъ прежде; его упрекаютъ только въ нѣкоторой скупости, такъ какъ онъ ни въ чемъ не указывалъ щедрости. Онъ здѣсь все время ходилъ въ матросской одеждѣ; увидимъ, въ какомъ платьѣ онъ явится при дворѣ вашего императорскаго величества. Короля онъ видѣлъ лишь рѣдко, такъ какъ не хотѣлъ перемѣнить своего образа жизни, обѣдая въ 11 часовъ до полудня, ужиная въ 7 часовъ вечера, ложась спать рано и вставая въ 4 часа, что весьма удивило тѣхъ Англичанъ, которые должны были находиться въ его компаніи“.

Значитъ, въ официальныхъ кругахъ общества въ Англіи, при дворѣ, въ высшемъ духовенствѣ, въ дипломатической сферѣ Петра не особенно высоко ставили, не ожидали особенно важныхъ послѣдствій отъ его путешествія, не умѣли цѣнить его геніальности. Бюронетъ считалъ Петра односторонне пристрастившимся къ руководствію, къ механическимъ работамъ; король Вильгельмъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ говорилъ о равнодушіи Петра къ искусству, къ изищному вообще. Гофманъ сомнѣвался въ намѣреніи царя образовывать свой народъ, такъ какъ царь, казалось, исключительно интересовался вопросами судостроенія и мореплаванія.

За то публицисты, въ родѣ Крѣмля, мыслители, въ родѣ Фрейсиса Ли, были совсѣмъ инаго мнѣнія о Петрѣ и ожидали самыхъ богатыхъ и всестороннихъ результатовъ отъ его путешествія. Оказалось впоследствии, что воззрѣнія послѣднихъ были правильнѣе. Любопытно, что въ наше время знаменитый Маколей выразился о путешествіи Петра слѣдующимъ образомъ: „Его путешествіе было эпохою не только въ исторіи его государства, но также и въ исторіи Англіи и даже во всемірной исторіи“¹⁾.

III. Депеши Фрстенберга изъ Дрездена.

Саксонскаго курфюрста, Польскаго короля Августа II не было въ Дрезденѣ, когда Петръ въ началѣ іюня 1696 года проѣзжалъ Сак-

¹⁾ *Masaniely, Hist. of England IX, p. 84.*

совію. Въ 1873 году въ журналѣ *Archiv für sächsische Geschichte* директоромъ главнаго государственнаго архива въ Дрезденѣ, Карломъ Веберомъ, была напечатана статья о пребываніи Петра въ Дрезденѣ, при чемъ авторъ пользовался исключительно архивными матеріалами ¹⁾). Относительно пребыванія царя въ Дрезденѣ лѣтомъ 1698 года любопытны донесенія намѣстника Фюрстенберга къ королю Августу, изъ которыхъ мы заимствуемъ лишь нѣкоторые данныя, дополняющія краткій разказъ въ сочиненіи Устрялова, пользовавшагося при этомъ случаѣ исключительно „журналомъ 205 и 206 годовъ“.

До пріѣзда въ Саксонію Петръ просилъ не встрѣчать его нигдѣ пушечною пальбою. Путешественники остановились въ Лейпцигѣ въ гостинницѣ Раппольда и отклонили предложеніе занять помѣщеніе въ зданіи казначейства, „потому что довольны своею квартирой и не желаютъ особеннаго стеченія народа“. Нѣкоторымъ саковникамъ было поручено торжественно встрѣтить царя, но всѣ подобныя церемоніи были отмѣнены вслѣдствіе письма Лефорта о строгомъ соблюденіи инкогнито Петра. Пробывъ въ Лейпцигѣ ночь и день, царь выѣхалъ ночью изъ Лейпцига и 1-го іюня 1698 года въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ въ Дрезденъ. Онъ былъ одѣтъ въ испанскій камзолъ, въ узкое исподнее платье и въ голландскіе башмаки; при выходѣ изъ кареты онъ старался спрятать свое лицо подъ черною шапочкою. Его помѣстили въ хоромы умершей въ 1696 году супруги курфирста Иоганна Георга IV, Элеоноры-Эрмуды. Петръ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что нѣкоторые лица увидѣли его на пути къ назначеннымъ ему комнатамъ, требовалъ, чтобы никто на него не смотрѣлъ и грозилъ немедленнымъ отъѣздомъ въ случаѣ неисполненія этого требованія. Баронъ Ройхенбергъ съ трудомъ успокоилъ и уговорилъ его поужинать. Послѣ ужина царь согласился принять намѣстника князя Фюрстенберга и изъявилъ ему желаніе тотчасъ же, въ 1-мъ часу ночи, видѣть кунсткамеру. Онъ дѣйствительно отправился туда и остался тамъ до утра, осматривая особенно тщательно математическіе инструменты и ремесленныя орудія. Было устроено такъ, чтобы на пути въ кунсткамеру и обратно въ комнаты, запираемыя царемъ, никто не могъ встрѣтиться съ нимъ.

На другой день утромъ Фюрстенбергъ былъ у царя; кромѣ

¹⁾ Т. XI, стр. 337—351.

Фюрстенберга и Рейхенберга, у него обѣдали шестеро Русскихъ, при чемъ Петръ занялъ мѣсто не во главѣ стола; была музыка. Фюрстенбергъ, хотя и чувствовалъ себя въ тотъ день не совсѣмъ здравымъ, считалъ своимъ долгомъ пить по возможности больше. Послѣ обѣда Петръ отправился въ цейхгаузъ, а на пути туда, между прочимъ, видѣлся съ знаменитою графинсю Кенигсмаркъ. Въ цейхгаузѣ Петръ удивлялъ всѣхъ своими точными свѣдѣніями о пушкахъ, замѣчалъ малѣйшіе недостатки различныхъ показываемыхъ ему орудій и объяснял причины такихъ недостатковъ. Затѣмъ, весьма довольный посѣщеніемъ цейхгауза, опъ отправился къ матери курфирста, Аниѣ-Софій, у которой онъ засталъ курфирстинну Пфальцскую и двухлѣтняго кронпринца Фридриха-Августа. Въ ихъ обществѣ Петръ находился не болѣе четверти часа, былъ очень веселъ, цѣловалъ маленькаго принца и сидѣлъ между двумя курфирстиннами. Побывавъ послѣ этого еще разъ въ кунсткамерѣ, царь отправился ужинать къ князю Фюрстенбергу, гдѣ, вслѣдствіе выраженнаго имъ желанія, его ожидали дамы, между которыми была прекрасная графиня Кенигсмаркъ, ея сестра графиня Лѣвенгауптъ и другія. Ужинъ былъ веселый и шумный. Петръ, развеселившись, взялъ у одного изъ барабанщиковъ барабанъ и барабанилъ такъ искусно, что своимъ искусствомъ превзошелъ настоящихъ барабанщиковъ. Пили очень много, и каждый тостъ, по требованію Петра, сопровождался пушечными выстрѣлами, такъ что это веселье, продолжавшееся до 3-хъ часовъ утра, вѣроятно, нѣсколько нарушило покой жителей столицы.

3-го іюня князь Фюрстенбергъ опять обѣдалъ у царя при звукахъ трубъ, литавръ и барабановъ; затѣмъ Петръ смотрѣлъ изъ окна на военныя упражненія кадетъ, отправился потомъ въ литейный домъ ¹⁾ и въ кунсткамеру, прокатился по городу въ каретѣ Фюрстенберга, и наконецъ, опять ужиналъ вмѣстѣ съ компаніей предыдущаго дня, при чемъ опять мастерски сыгралъ соло на барабанѣ и до утра участвовалъ въ танцахъ. Такъ какъ ужинъ и балъ происходили въ саду, то собралась многочисленная публика, чтобы поглядѣть на царя. Прямо съ бала Петръ, въ каретѣ, въ которой для него была приготовлена постель, поѣхалъ въ Кенигштейнъ, куда прибылъ въ 8 часовъ утра, но оставался погруженнымъ въ сонъ въ каретѣ до 11-го часа. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ крѣпость и арсе-

¹⁾ У Вебера: Giesshaus; въ Журналѣ сказано: «Десятникъ ходилъ въ облаторіумъ». См. Устрялова, т. III, стр. 610.

наль, просилъ выстрѣлить изъ крѣпости гранатами, отвѣдалъ изъ единственной по величинѣ бочки вино, обѣдалъ и въ 6 часовъ вечера поѣхалъ далѣе въ Прагу.

Фюрстенбергъ писалъ къ королю: „Я благодарю Бога, что все кончилось благополучно, ибо опасался, что не вполне можно будетъ угодить этому немного странному господину“. Генералъ-маіоръ Иорданъ также увѣдомлялъ короля, что царь былъ очень доволенъ угощеніемъ, но что онъ, Иорданъ, очень радъ отъѣзду дорогаго гостя.

Ожидали царя въ Фрейбургъ, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе въ замкѣ, но Петръ на этотъ разъ туда не поѣхалъ ¹⁾.

IV. Донесенія папскихъ нунціевъ въ изданіи Тейнера.

Вскоро послѣ появленія труда Устрялова о Петрѣ Великомъ былъ изданъ въ Римѣ Тейнеромъ богатый сборникъ матеріаловъ для исторіи Россіи, подъ заглавіемъ: *Monuments historiques relatifs aux régnes d'Alexis Michaełowitch, Feodor III et Pierre le Grand Czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par Augustin Theiner.* (Rome. Imprimerie du Vatican, 1859).

Въ этомъ изданіи къ исторіи Петра до Сѣверной войны относится большое число денешъ разныхъ духовныхъ лицъ, въ которыхъ главное вниманіе обращается на состояніе католицизма въ Россіи.

Такъ какъ однако, папскіе нунціи находились не въ самомъ Московскомъ государствѣ, а собирали разные данныя о событіяхъ въ Россіи, живя въ Варшавѣ, Львовѣ и другихъ городахъ, то, разумѣется, въ ихъ донесеніяхъ мы встрѣчаемъ много неточностей и искаженіе фактовъ. Иногда, впрочемъ, получались донесенія католическихъ агентовъ, находившихся въ Москвѣ. Вообще эти дипломаты оказываются отличными наблюдателями, тщательно собиравшими данныя о Москвѣ.

О вступленіи на престолъ Петра въ этихъ депешахъ заключаются разказы, не совсемъ соответствующіе фактамъ. Довольно часто повторяется извѣстіе, что Теодоръ былъ отравленъ (см. напримѣръ, стр. 237, 240); въ одномъ мѣстѣ виновницей этого преступленія названа царица Наталья Кирилловна. Папскій нунцій въ Варшавѣ пишетъ, что бояре особенно не любили Теодора за отжѣну мѣстниче-

¹⁾ Удивительно, что Петръ, желавшій нанять рудовнатцевъ, не поѣхалъ въ Фрейбургъ, славившійся горнымъ искусствомъ. Еще изъ Англии, гдѣ ему не удалось нанять горныхъ инженеровъ, онъ писалъ Виніусу, что надѣется въ Германіи имѣть болѣе успѣха на этотъ счетъ.

ства и за то, что вторая супруга его была не знатнаго происхожденія. Весьма любопытенъ разказъ польскаго дипломатическаго агента или шпіона изъ Москвы (въ запискѣ отъ 20-го сентября 1682 года, стр. 239—242) о событіяхъ, сопровождавшихъ перемѣну на престолѣ въ 1676 году: тутъ говорится подробно о стараніяхъ боярина Матвѣева уговорить Алексѣя лишить болѣзненнаго Θεодора престола и назначить наследникомъ Петра. Болѣзнь Θεодора приписывается несчастному случаю: будто бы Θεодоръ, имѣя десять лѣтъ, однажды во время прогулки въ саняхъ за городомъ упалъ изъ опрокинувшася экипажа и повредилъ себѣ спину и грудь.

Въ 1682 г. папскій нунцій въ Варшавѣ узналъ, что во время кончины Θεодора существовала будто бы какая-то партія въ пользу какого-то сына Θεодора; далѣе, что какой-то Кавказскій царь хотѣлъ завладѣть Московскимъ государствомъ въ отмщеніе за то, что бояре воспротивились его браку съ одною изъ дочерей царя Алексѣя. Столь же не точно многое относящееся къ стрѣльцкому бунту въ маѣ 1682 года и къ эпизоду съ Хованскимъ въ этомъ же году. Впрочемъ достойно вниманія, что въ разказѣ польскаго агента о событіяхъ 1682 года весьма важную роль играетъ негодование стрѣльцовъ на управленіе фипансами, и разказаны случаи казнокрадства и т. п. (стр. 239).

Относительно правленія царевны Софіи документы, сообщенныя Тейнеромъ, важны какъ источникъ для исторіи католической пропаганды въ Россіи. Этотъ вопросъ занимаетъ самое видное мѣсто въ депешахъ императорскаго посла, барона Блюмберга къ папѣ, въ донесеніяхъ іезуита Вотты и папскаго нунція въ Варшавѣ.

Весьма любопытна замѣтка въ письмѣ папскаго нунція въ Варшавѣ отъ 6-го декабря 1684 года: „Москвитяне перехватили письма царицы Натальи къ Польскому королю, въ которыхъ она проситъ его быть покровителемъ ея сына“¹⁾).

Въ Польшѣ съ большимъ вниманіемъ слѣдили за образомъ дѣйствій московскаго правительства въ отношеніи къ восточному вопросу. Поэтому въ то самое время, когда папскіе агенты въ Москвѣ старались выхлопотать кое-какія права и привилегіи католикамъ, и папскій нунцій въ Польшѣ, Паллавичини, постоянно сообщалъ папѣ о всѣхъ различныхъ фазисахъ переговоровъ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ

¹⁾ См. *Theiner*, стр. 291. Нунцій считалъ вѣроятнымъ, что это открытіе будетъ имѣть послѣдствіемъ беспорядки въ Москвѣ.

за ходомъ переговоровъ Польши съ Москвою о наступленіи противъ Татаръ и Турокъ. Поэтому въ его депешахъ заключаются многія данныя и о Крымскихъ походахъ 1687 и 1689 годовъ.

О первомъ Крымскомъ походѣ разказано довольно подробно въ письмѣ іезуита Бонесаны; ему удалось собрать разныя данныя о причинахъ неудачи русскаго войска; какъ полагаетъ Бонесана, она главнымъ образомъ объясняется измѣною гетмана Самойловича. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ говорится о послѣднемъ¹⁾, не даромъ считавшемся врагомъ Польши и противникомъ союза съ нею. Неудача похода объясняется далѣе и тѣмъ обстоятельствомъ, что Русскіе не руководствовались совѣтомъ польскаго правительства, желавшаго, чтобы московское войско шло прежде всего къ Днѣпру, гдѣ оно не терпѣло бы недостатка въ кормѣ и водѣ. Въ этомъ письмѣ сообщены также разныя данныя о количествѣ русскихъ войскъ, о страшныхъ потеряхъ ихъ²⁾ и т. д.

Выше было упомянуто, что московское правительство старалось распространить слухи о мнимыхъ побѣдахъ, одержанныхъ будто надъ Татарами. Паускій нунцій въ Варшавѣ въ письмѣ отъ 17-го декабря къ кардиналу Чибо смѣется надъ хвастовствомъ царей. Въ этомъ же письмѣ говорится о любопытномъ слухѣ: въ Московскомъ государствѣ ожидали большой перемѣны; разказывали, будто царь Иванъ желалъ отказать отъ престола, будто царевна Софія намѣревалась удалиться въ монастырь, будто самъ царь Петръ, „чрезвычайно способный и склонный къ войнѣ“, въ такомъ случаѣ станетъ во главѣ войска и отправится сражаться съ Турками и Татарами. Паллаичини продолжаетъ: „Еще говорятъ, къ удивленію многихъ, что князь Голицынъ останется тогда министромъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ онъ былъ поддерживаемъ царевною Софіей, и находился въ нѣкоторой зависимости отъ царя Ивана и былъ противникомъ Петра“³⁾.

Въ письмѣ царей къ королю Польскому отъ 6-го августа 1688 г. говорится о постройкѣ въ 1688 году Новобогородицкой крѣпости на рѣкѣ Самарѣ и о новыхъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ Татарами. Въ депешахъ пайскихъ агентовъ въ Польшѣ говорится далѣе о

¹⁾ О нерасположеніи Самойловича къ Польшѣ см. соч. *Соловьева*, XIV, стр. 23 и слѣд.

²⁾ Morti 300 mila cavalli (!!!) et molte migliaia d'huomini di malatia e sete.— Нѣсколько разъ говорится о слезахъ Голицына, что, впрочемъ, подтверждается и письмами Леоорта, сообщенными Поссельтомъ.

³⁾ См. стр. 331 у *Тейнера*.

казни Кульмана въ Москвѣ, о второмъ Крымскомъ походѣ и о переговорахъ князя Голицына съ ханомъ у Перекопа. Опять разказано о хвастовствѣ московскаго правительства, которое, получивъ извѣстіе о сраженіи Голицына съ Татарами, праздновало эту мнимую побѣду звономъ всѣхъ колоколовъ столицы въ продолженіе двухъ дней, о медаляхъ, выбитыхъ въ честь Голицына, и о неудовольствіи младшаго царя по случаю наградъ, которыхъ были удостоены князь Голицынъ и генералы, участвовавшіе въ походѣ. Къ своему донесенію объ этихъ событіяхъ папскій нунцій приложилъ подробное донесеніе о дѣлѣ близъ Перекопа.

Между тѣмъ въ Россіи послѣдовалъ государственный переворотъ. Непосредственно послѣ паденія защитника католиковъ, князя Голицына, были приняты разныя мѣры противъ нихъ. Кажется, и этому обстоятельству можно приписать нѣкоторую скудость данныхъ о событіяхъ въ Москвѣ въ донесеніяхъ духовныхъ лицъ, находившихся въ Польшѣ. За то въ сборникѣ Тейнера встрѣчаются многочисленныя документы, относящіеся къ восточному вопросу, перенеска между папой и императоромъ Леопольдомъ, разныя данныя объ отношеніи Польши къ союзникамъ, собиравшимся сражаться съ Оттоманскою Портою и письма царей Ивана и Петра къ королю Яну Собѣскому. Такъ напримѣръ, особенно интересно краткое письмо одного флорентійскаго дворянина Франческо Гуаскони къ своему брату Александру въ Венеціи изъ Москвы, отъ 8-го января 1696 года, о приготовленіяхъ ко второму Азовскому походу и т. п.

Для исторіи путешествія Петра въ западную Европу донесенія католическихъ агентовъ могутъ считаться весьма важнымъ источникомъ. Однако и тутъ относительно изобилія матеріаловъ оказывается большая разница. О пребываніи Петра въ Голландіи и Англіи не говорится почти вовсе, за то о пребываніи Петра въ Вѣнѣ и Польшѣ встрѣчаются весьма многія данныя, что объясняется большимъ числомъ наблюдателей католиковъ въ этихъ странахъ, между тѣмъ какъ въ протестантскихъ странахъ ихъ было не много.

Не смотря на то, что немедленно по утвержденіи единодержавія Петра въ 1689 году католики лишились нѣкоторыхъ правъ, которыми они пользовались до тѣхъ поръ въ Московскомъ государствѣ и тамъ даже происходило нѣкоторое гоненіе на іезуитовъ, католическая партія не унывала; папскіе пунціи въ Польшѣ не теряли надежды, что ранѣе или позже можно будетъ возобновить католическую пропаганду; они старались воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ

для своихъ цѣлей и съ особеннымъ удовольствіемъ передавали въ Римъ извѣстія о предполагаемомъ путешествіи боярина Шереметева въ Италію и самого царя въ разныя страны западной Европы.

Въ Польшѣ, въ Вѣнѣ и въ Римѣ іезуиты очень уваживали за бояриномъ Шереметевымъ во время его путешествія въ 1697 и 1698 годахъ. Уже на пути въ Австрію онъ былъ весьма радушно принятъ у пани подскарбиной Замойской, которая, какъ мы знаемъ изъ писемъ нѣкоторыхъ іезуитовъ, находилась въ связи съ этимъ орденомъ. При ней были іезуиты, съ которыми Шереметевъ бесѣдовалъ. Въ Вѣнѣ за нимъ уваживалъ знаменитый іезуитъ Вольфъ, который писалъ къ генералу іезуитскаго ордена, что Шереметева легко можно обратить въ католицизмъ, и давалъ на этотъ счетъ разныя подробныя совѣты. Въ разныхъ городахъ Шереметевъ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи; въ Римѣ духовныя лица дарили Шереметеву иконы; въ Неаполѣ онъ посѣтилъ училище іезуитовъ; наконецъ іезуиты, обратились къ нему съ просьбой исходатайствовать для ордена свободный пропускъ чрезъ Сибарь въ Китай и пр. ¹⁾

Нельзя удивляться тому, что вѣсть объ участіи самого царя въ путешествіи пословъ Лефорта, Головина и Возницына сильно подѣйствовала на важнѣйшихъ представителей католической пропаганды. Разныя нунціи, находившіеся въ Польшѣ, въ Австріи и пр., а также и другіе агенты католической партіи, начали зорко слѣдить за русскими путешественниками. Ихъ сообщенія о разныхъ частностяхъ пребыванія Петра въ Митавѣ, въ Кенигсбергѣ, въ Вѣнѣ и въ разныхъ польскихъ городахъ представляютъ весьма много интереснаго. Мы укажемъ на нѣкоторые примѣры таковыхъ данныхъ.

Послѣ увѣдомленія кардинала Спада въ Римѣ объ отправленіи московскаго посольства въ Вѣну письмомъ отъ 11-го мая 1697 года, папскій нунцій въ Польшѣ пишетъ, что получилъ отъ іезуита Штурма, находившагося въ Митавѣ, извѣстіе о нахожденіи самого Петра при посольствѣ. Нунцій не вѣритъ этому слуху: ему кажется невозможнымъ, чтобы царь ради простаго любопытства и удовольствія могъ предпринять такое путешествіе вскорѣ послѣ страшнаго бунта, вслѣдствіе котораго было казнено нѣсколько человекъ ²⁾. Два дня

¹⁾ См. мою статью Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи—въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1877 г., июль (т. СХХХ), стр. 59—61.

²⁾ Тутъ, очевидно, говорится о заговорѣ Циклера, Соковина и Пушкина.

слуха, онъ опять упоминаетъ объ этомъ путешествіи царя, прибавляя, что Петръ желаетъ въ Голландіи поступить въ военную службу и намѣренъ научиться военному искусству подъ руководствомъ Вильгельма Оранскаго. Путешествіе посольства въ депешахъ нунція названо „пресловутымъ“ и „не менѣ шумнымъ, какъ таинственнымъ“.

Въ какой мѣрѣ Петръ уже въ первое время своего путешествія былъ удостоенъ вниманія католиковъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: іезуитъ Штурмъ, находившійся въ Митавѣ, собиралъ разныя данныя объ угощеніи Петра въ Курляндіи, о торжественномъ приѣмѣ пословъ въ Митавѣ, о численности ихъ свиты и пр. Когда же при отъѣздѣ изъ Митавы, посланники намѣревались уже сѣсть въ приготовленные экипажи, одинъ католическій священникъ, по порученію Штурма, произнесъ имъ рѣчь, которую посланники выслушали, и за которую благодарили оратора. „Мы сдѣлали это“, пишетъ Штурмъ, — „въ честь самого царя, который, какъ намъ разказалъ посольскій священникъ, — на свой счетъ началъ строить въ Москвѣ католическій костелъ“ (??). О Петрѣ сказано, что онъ очень пріятный господинъ и весьма уважаетъ императора Леопольда.

Между тѣмъ папскій нунцій, можетъ быть, ради Петра переѣхавшій изъ Варшавы въ Данцигъ, получалъ разныя частныя письма изъ Кенигсберга, но жаловался на скудость извѣстій о царѣ, обвиняя Нѣмцевъ въ томъ, что они не достаточно любопытны. Онъ узналъ однако, что Петръ „желаетъ посѣтить нѣкоторые европейскіе дворы „для ознакомленія съ взглядами разныхъ государей и для того, чтобы усовершенствоваться въ искусствѣ управлять своими подданными“, а далѣе, что главная цѣль посольства заключается въ томъ, чтобы прикрывать путешествіе самого царя. Говоря о маршрутѣ Петра, нунцій не безъ нѣкотораго враждебнаго чувства приписываетъ составленіе плана путешествія Лефорту, который „какъ еретикъ, предложилъ царю посѣтить еретическія страны“. Объ эпизодѣ съ графомъ Крейццомъ, разказанномъ папскимъ нунціемъ, мы уже говорили выше. Кромѣ того, въ донесеніяхъ нунція заключается указаніе на другое происшествіе, случившееся будто бы во время пребыванія Русскихъ въ Кенигсбергѣ. Тамъ умеръ одинъ изъ служителей въ свитѣ посольства. Русскіе не хотѣли похоронить своего товарища на протестантскомъ кладбищѣ, предпочитая католическое, и утверждая, что скончавшійся умеръ въ единеніи съ католическою церковью. Католическій священникъ согласился уступить Русскимъ нѣкоторый уголокъ на кладбищѣ, главнымъ образомъ потому, что оно еще не было

освящено съ необходимыми обрядами, и что такимъ образомъ тутъ не было настоящаго оскорбленія святѣни. Въ этомъ же письмѣ говорится о старшихъ Лефорту и Бранденбургскаго курфирста обратиться Русскихъ въ протестантскую вѣру, а въ предыдущемъ письмѣ разказано даже о слухѣ, будто самъ царь желалъ сдѣлаться кальвинистомъ и пр.

Извѣстно, что во время пребыванія Петра въ Англии, значить — въ первыхъ мѣсяцахъ 1698 года, въ Вѣнѣ распространился слухъ о случившейся въ Москвѣ революціи, о вступленіи на престолъ Софіи и пр. ¹⁾ Любопытно, что папскій нунцій уже въ своемъ письмѣ изъ Данцига, отъ 16-го августа 1697 года, упоминаетъ о слухѣ, будто царица Софія, вступивъ въ бракъ съ княземъ Голицынымъ, взяла въ свои руки бразды правленія.

О разныхъ частностяхъ пребыванія Петра въ Кенигсбергѣ говорится въ письмѣ одного частнаго человѣка къ одному сановнику изъ Кенигсберга отъ 11-го мая; это письмо находилось въ рукахъ папскаго нунція. Тутъ, между прочимъ, сообщается о громадныхъ денежныхъ средствахъ, которыми располагали русскіе путешественники, и пр.

До появленія Петра въ Вѣнѣ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ, тамъ задолго начали заниматься вопросомъ о церемоніалѣ при приѣмѣ русскихъ пословъ. Папскій нунцій въ Вѣнѣ подробно пишетъ объ этомъ предметѣ 24-го мая 1698 года, прибавляя, что Вѣнскій дворъ сильно опасается большихъ расходовъ при этомъ случаѣ. Считали возможнымъ, что Русскіе останутся въ Вѣнѣ десять недѣль, и что ихъ содержаніе обойдется не дешевле 300,000 гульденовъ. Но вѣнскій дворъ поступалъ по возможности бережливо. Торжественный въѣздъ русскаго посольства былъ очень скромный, какъ пишетъ о томъ папскій нунцій, и какъ мы знаемъ изъ другаго источника, а именно изъ письма Петра Лефорту въ Женеву, при чемъ жаловался на отсутствіе роскоши и пышности въ Вѣнѣ въ противоположность къ расточительности и великолѣпію въ Кенигсбергѣ ²⁾.

Вопросъ о содержаніи русскихъ пословъ былъ рѣшенъ весьма удовлетворительно для Вѣнскаго двора. Сначала думали назначить имъ по 1,000 талеровъ въ день, затѣмъ однако сумма опредѣлена лишь въ 3,000 гульденовъ въ недѣлю. Нунцій разказываетъ, будто

¹⁾ См. *Устрялова*, III, 98—99.

²⁾ См. соч. *Поселита*, II, стр. 483, а также соч. *Устрялова*, III, 121.

самъ царь сбавилъ первоначальную сумму изъ уваженія и любви къ императору Леопольду, не желая обременить казну своего друга и союзника чрезмѣрно во время продолжавшейся тогда еще войны ¹⁾. Этотъ фактъ столь же мало вѣроятенъ, какъ и многія другія данныя о безпредѣльномъ уваженіи къ Леопольду, разказанныя въ донесеніяхъ нунція.

Нунцій старался собрать подробныя свѣдѣнія о свиданіяхъ Петра съ императоромъ Леопольдомъ. Подробности этихъ фактовъ извѣстны чрезъ документы (Ceremonial-Protokolle) вѣнскаго архива, сообщенныя Устравловымъ, такъ что на этотъ счетъ донесенія нунція не представляютъ замѣчательныхъ новыхъ данныхъ. Намъ интересуютъ главнымъ образомъ то вниманіе, которымъ пользовались бесѣды царя съ императоромъ, и слухи о томъ, на сколько Петръ былъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него Леопольдомъ.

Нунцій разказываетъ, что царь выразилъ Леопольду особенное уваженіе и почтеніе, такъ что при первомъ свиданіи, казалось, желалъ поцѣловать руку императора. Оба монарха были съ покрытыми головами, но царь, какъ сообщаетъ нунцій, — во время бесѣды, часто снималъ шляпу, а императоръ каждый разъ весьма ласково уговаривалъ царя накрыться. Отъ этого свиданія, пишетъ нунцій, — царь былъ въ восхищеніи и замѣтилъ во услышаніи всѣхъ, что онъ на челѣ Леопольда, какъ въ свѣтломъ зеркалѣ, видѣлъ святость и праведность. Разказывая о посѣщеніи царя Леопольдомъ, нунцій снова обращаетъ особенное вниманіе на ту покорность, съ которою Петръ будто бы принялъ у себя императора. Скромность и учтивость Петра, пишетъ нунцій, — дошли до того, что онъ проводилъ императора до экипажа и поцѣловалъ его руку. Не легко рѣшить, на сколько вѣрны разказъ нунція; нельзя однако не имѣть въ виду, что для представителей католицизма должно было казаться выгоднымъ вѣрить подобнымъ разказамъ о чрезмѣрной учтивости царя въ обращеніи съ мірскимъ главою католичества.

Далѣе слѣдуетъ, между прочимъ, разказъ о посѣщеніи царемъ театральнаго представленія въ замкѣ Favogita и объ участіи въ празднествѣ Wirthschaft, устроенномъ для царя императорскимъ дворомъ

¹⁾ Стр. 372. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 376) сказано, что императоръ не давалъ, кромѣ этихъ денегъ, никакихъ припасовъ, «ne teno un fiasco di vino»; за то мы знаемъ, что расходы по празднику, устроенному Петромъ въ Вѣнѣ, были уплачены казною Леопольда; см. Памятники диплом. сношеній, т. VIII, стр. 1363.

съ необычайною пышностью. Царь, пишетъ нунцій, — былъ очень веселъ и танцевалъ чрезвычайно много. Достоинно замѣчая, что съ самаго начала турецкой войны не было при вѣнскомъ дворѣ празднества, стоившаго большихъ денегъ.

Отзывы нунція о личности Петра вообще довольно благоприятны. Онъ очерчиваетъ его наружность, приписывая судорожныя движенія, которыми страдалъ царь, дѣйствию яда, даннаго ему будто бы еще въ дѣтствѣ: Петръ сильными жестами, большою подвижностью старается скрывать судороги, дѣйствіе яда. Страсть царя работать на верфяхъ въ качествѣ плотника, по мнѣнію нунція, также объясняется его болѣзненностью, такъ какъ онъ, вслѣдствіе дѣйствующаго въ тѣлѣ яда, принужденъ искать нѣкоторое облегченіе въ сильныхъ тѣлодвиженіяхъ. Затѣмъ, сказано кое-что объ умственныхъ способностяхъ Петра и о томъ, что онъ во вѣншемъ обращеніи не столько варваръ, сколько образованный челоуѣкъ; въ этому однако прибавлено, что природная грубость нравовъ обнаруживается въ суровомъ обращеніи царя съ подчиненными. Наконецъ сказано, что царь имѣетъ свѣдѣнія въ области исторіи и географіи и стремится къ усовершенствованію своего образованія. Въ другомъ мѣстѣ замѣчено: „Царь оказывается вовсе не такимъ, какимъ его описывали по случаю его пребыванія при разныхъ дворахъ, но скорѣе учтивымъ, осторожнымъ, приличнымъ и скромнымъ“.

Съ особеннымъ удовольствіемъ разказываетъ нунцій, что царь присутствовалъ при католическомъ богослуженіи и затѣмъ обѣдалъ у іезуитовъ. Любопытно замѣчаніе, что въ Россіи будто бы распространенъ слухъ о принятіи Шереметевымъ католической вѣры и о намѣреніи царя послѣдовать примѣру боярина, о сильномъ волненіи народа по этому случаю и о стараніяхъ нѣкоторыхъ сановниковъ убѣдить царя въ необходимости скорѣйшаго возвращенія въ Москву. Царь, продолжаетъ нунцій, — весьма недоволенъ этимъ, такъ какъ онъ сильно желаетъ посѣтить Италію, и въ особенности—Венецію. Нунцій замѣчаетъ, что ласковое обращеніе папы и кардиналовъ съ Шереметевымъ можетъ принести большую пользу. Еще до пріѣзда Петра въ Вѣну, нунцій въ письмѣ къ кардиналу Спада выразилъ надежду, что царь, вмѣстѣ съ своими подданными, возвратится въ лоно католической церкви. Изъ выраженій нунція при этомъ случаѣ видно, какъ папскіе агенты лелѣжали эту мысль. Такъ и кардиналъ Калоничъ, находившійся въ Вѣнѣ, въ письмѣ къ кардиналу Спада выражаетъ надежду, что и ему удастся содѣйствовать благому дѣлу обращенія

Петра въ католицизмъ ¹⁾. По словамъ нунція, представители католическихъ державъ до того интересовались личностью Петра, что переодѣтые частными людьми, присутствовали при праздествѣ, устроенномъ царемъ въ день своего тезоименитства, и видѣли царя на самомъ близкомъ разстояніи. Не даромъ послы испанскій, венеціанскій, папскій и пр. совѣщались между собою о церемоніалѣ при посвѣщеніи русскаго посольства, что, впрочемъ, оказалось лишнимъ, такъ какъ до торжественной аудіенціи русскихъ пословъ у императора нельзя было побывать у нихъ, а вскорѣ послѣ этой аудіенціи Русскіе оставили Вѣну.

Планъ Петра посѣтить Италію, разумѣется, чрезвычайно интересовалъ представителей католицизма. Нунцій, сообщая о такомъ намѣреніи Петра, прибавляетъ, что царь, впрочемъ, часто мѣняетъ свои предположенія. Въ предположеніи, что Петръ проѣдетъ въ Венецію, нунцій замѣчаетъ также, что прелесть Италіи, безъ сомнѣнія, сильно подѣйствуетъ на царя, такъ что онъ, вѣроятно, поѣдетъ изъ Венеціи въ Римъ и вообще дольше останется въ Италіи. Къ этому нунцій прибавляетъ, что нужно дѣйствовать въ пользу болѣе продолжительнаго пребыванія въ Италіи. Въ этомъ смыслѣ нунцій въ Вѣнѣ намѣревался написать инструкцію къ папскому нунцію въ Венецію. И въ другомъ письмѣ нунція выражена надежда, что царь не ограничится посвѣщеніемъ Венеціи, но проѣдетъ въ Римъ и тамъ — авось — сдѣлаетъ предложеніе о соединеніи греческой церкви съ римскою.

Въ сборникѣ сообщено любопытное донесеніе папскаго нунція въ Венецію, монсеньора Кувано, объ обширныхъ приготовленіяхъ въ этомъ городѣ для приѣма царя. Правительство республики рѣшилось потратить для этой цѣли значительную сумму денегъ, намѣреваясь показать великолѣпный арсеналъ и богатія верфи въ самомъ выгодномъ свѣтѣ и блестящемъ состояніи. Число рабочихъ было значительно умножено къ этому времени; для московскихъ гостей были напачены квартиры. Въ арсеналѣ, въ присутствіи царя намѣревались вылить шесть пушекъ, изъ которыхъ три назначены были въ подарокъ Петру. На этихъ трехъ пушкахъ, кромѣ венеціанскаго герба, должна была находиться надпись „Moscorum Caesari Venetorum munus“; на остальныхъ надпись „Finis imponenda Tyrannis“. „Всѣ эти

¹⁾ См. письмо у *Тейнера*, 374 и 375.

расходы“, замѣчаетъ Кузапо,—брошены по напрасну; что скажутъ теперь члены венеціанскаго правительства?”

Не даромъ Петръ былъ крайне недоволенъ необходимостью покинуть свой любимый планъ посѣтить Венецію. Венеціанскому послу въ Вѣнѣ онъ выразилъ свое крайнее сожалѣніе по этому поводу, прибавляя, что онъ надѣется очень скоро устроить московскія дѣла, а затѣмъ непремѣнно вернется въ западную Европу и тогда уже увидитъ Италію вообще и Венецію въ особенности. Нунцій, сообщая объ этомъ, прибавляетъ отъ себя, что исполненіе желанія царя можно считать весьма мало вѣроятнымъ. Сообщая объ отъѣздѣ царя въ Москву, папскій нунцій замѣчаетъ о броженіи умовъ въ Россіи вслѣдствіе намѣренія царя чрезъ посредство боярина Шереметева дѣйствовать въ пользу соединенія церквей.

О проѣздѣ Петра чрезъ Польшу въ августѣ 1698 года пока извѣстны были весьма лишь немногія данныя. Даже у Устрялова, напрямѣръ, о свиданіи Петра съ королемъ Августомъ въ Равѣ сказано два слова. Тѣмъ важнѣе весьма подробныя разказы о нѣкоторыхъ эпизодахъ пребыванія царя въ Польшѣ въ донесеніяхъ, находившихся въ этой странѣ католическихъ агентовъ. О пребываніи Петра пишетъ весьма обстоятельно находившійся тамъ іезуитъ Вотта, который прежде нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ и былъ лично знакомъ съ Петромъ. Онъ также описываетъ великолѣпный пріемъ, оказанный Петру у пани подскарбиной въ Замостѣ. Папскій нунцій въ Польшѣ видѣлся съ Петромъ въ Замостѣ и бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ церкви. Сначала нунцій затруднялся отправиться въ Замостье, опасаясь, что со стороны царя ему не будетъ оказано тѣхъ почестей, на которыя онъ имѣлъ право какъ представитель папы. Но будучи приглашенъ хозяйкою великолѣпнаго замка, онъ все-таки поѣхалъ туда и былъ принятъ царемъ довольно благосклонно. За столомъ онъ сидѣлъ между Петромъ и Лефортомъ и во время обѣда сообщилъ послѣднему о своемъ желаніи просить царя о дозволеніи свободнаго проѣзда чрезъ Россію католическихъ миссіонеровъ, отправляющихся въ Китай. Лефортъ отвѣчалъ уклончиво, о чемъ нунцій пишетъ въ тонѣ нѣкотораго раздраженія, называя перваго посланника отчаяннымъ кальвинистомъ. Послѣ обѣда нунцій вмѣстѣ съ кнѣгинею Замойскою сталъ дѣйствовать на втораго посла, Головина, который оказался гораздо болѣе уступчивымъ и совѣтовалъ нунцію обратиться прямо къ царю. Затѣмъ нунцій обратился къ самому царю, который отвѣчалъ весьма благосклонно, соглашаясь на проѣздъ миссіонеровъ, за исклю-

чепіемъ Французовъ. Обрадованный нунцій просилъ царя дать такое обѣщаніе письменно, на что Петръ отвѣтилъ, что данное имъ устное слово равносильно десяти тысячамъ документовъ. Поручивъ іезуиту Запольскому привести это дѣло къ формальному окончанію, нунцій уѣхалъ во Львовъ ¹⁾.

Въ письмѣ іезуита Вотты о пребываніи Петра въ Замостьѣ говорится подробно о великолѣпнѣмъ приѣмѣ, оказаннаго Петру, о роскошномъ угощеніи гостей, о присутствіи царя при католическомъ богослуженіи, о посѣщеніи арсенала и о тапцахъ, которые были устроены вечеромъ. Затѣмъ говорится о пребываніи Петра въ Томашовѣ, другомъ городѣ, принадлежавшемъ княгинѣ Замойской, и наконецъ, о свиданіи Петра съ Августомъ. Но собственно о переговорахъ обѣихъ государствъ относительно нападенія на Швецію ничего не сказано. Очевидно, эта сдѣлка была до того тайною, что ускользнула даже отъ наблюдателя-іезуита. За то говорится о дружескихъ, интимныхъ отношеніяхъ между монархами, которыя выразились, между прочимъ, по случаю маневровъ и смотровъ, устроенныхъ въ честь Петра въ Равѣ. Король Августъ самъ представилъ іезуита царю, который съ нимъ бесѣдовалъ о восточномъ вопросѣ. Вотта выразилъ надежду, что Петръ вмѣстѣ съ королемъ Польскимъ положитъ конецъ Турціи, на что царь шутливо возразилъ, что дѣлежъ медвѣжьей шкуры происходитъ обыкновенно не ранѣе какъ послѣ убіенія звѣря. Съ особеннымъ удовольствіемъ іезуитъ Вотта прибавилъ къ этому разказу замѣчаніе, что царь весьма благосклонно принялъ благословеніе отъ него и пр.

Эти, какъ казалось, особенно благоприятныя отношенія царя къ представителямъ католицизма были однако нарушены отчасти слѣдующимъ весьма непріятнымъ эпизодомъ, случившимся въ Брестѣ Литовскомъ. Здѣсь представился царю католическій агентъ, монсиньоръ Залевскій, и бесѣдуя съ Петромъ, какъ-то неосторожно выразился о раздѣлѣ церквей, называя греческую церковь схизматическою. Царь сильно обидѣлся и сказалъ, что не намѣренъ терпѣть такой грубости, и что еслибъ эти выраженія были употреблены въ Москвѣ, виновникъ непремѣнно былъ бы казненъ смертью. Петръ до того былъ раздраженъ, что обратился къ виленской кастелланшѣ, у которой онъ гостилъ въ это время, съ просьбою позаботиться тот-

---

¹⁾ Этими матеріалами пользовался графъ Д. А. Толстой въ своемъ трудѣ о католицизмѣ въ Россіи, т. I, стр. 149—150.

часть же объ удаленіи неучтиваго прелата, такъ какъ онъ, царь, не ручается за себя, если еще разъ увидитъ предъ собою виновника столь грубаго оскорбленія. Такимъ образомъ монсиньоръ Залевскій долженъ былъ уѣхать немедленно. Нунцій, сообщая объ этомъ фактѣ съ крайнимъ сожалѣніемъ, замѣчаетъ, что такимъ образомъ, благодаря неумѣстному рвенію Залевскаго, испорчено начало столь хорошихъ отношеній церкви къ царю, и въ заключеніе высказываетъ убѣжденіе, что завзятый противникъ католиковъ, Лефортъ, непременно воспользуется раздраженіемъ цари для уничтоженія въ послѣднемъ добраго расположенія къ католической церкви.

Изъ всего сообщеннаго видно, что донесенія папскихъ нунціевъ и вообще католическихъ агентовъ въ сборникѣ Тейнера заключаютъ въ себѣ весьма богатый матеріалъ для исторіи Петра въ XVII вѣкѣ вообще и для исторіи знаменитаго путешествія 1697 и 1698 годовъ въ особенности.

У. Записка Рудзини.

Въ 27-мъ томѣ сборника *Fontes rerum Austriacarum* (*Oesterreichische Geschichtsquellen, herausgegeben von der historischen Commission der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Zweite Abtheilung: Diplomataria et Acta*), явившемся въ 1867 году, напечатаны донесенія венеціанскихъ пословъ о Германіи и Австріи въ XVII столѣтіи. Между этими донесеніями мы встрѣчаемъ и подробную записку о пребываніи Петра въ Вѣнѣ въ 1698 году, составленную венеціанскимъ дипломатомъ Карломъ Рудзини, который въ 1697 году участвовалъ въ заключеніи договора между императоромъ, Венеціей и Московскимъ государствомъ ¹⁾).

Мы видѣли, какія приготовленія были сдѣланы въ Венеціи для приѣма Петра. Поэтому венеціанскій дипломатъ въ Венеции, до того только-что находившійся въ сношеніяхъ съ русскимъ посланникомъ Нефимоновымъ, долженъ былъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за путешествіемъ Петра. Въ своемъ донесеніи, имѣющемъ характеръ записки въ противоположность письмамъ папскихъ агентовъ, писаннымъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, онъ говоритъ вообще о томъ впечатлѣніи, которое было произведено Петромъ въ

¹⁾ См. документъ, подписанный между прочимъ Карломъ Рудзини, въ сборникѣ Тейнера, 365—367.

Вѣнѣ, и къ этому прибавляетъ нѣкоторыя замѣчанія о значеніи Московскаго государства.

Подобно папскому нунцію, Рудзини старался узнать о подробностяхъ свиданій царя съ императоромъ Леопольдомъ и сообщать на этотъ счетъ нѣкоторыя данныя, уже извѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Можетъ быть, во всей исторіи нѣтъ примѣра, чтобы государь безъ политическихъ причинъ и не ради дипломатическихъ переговоровъ, но только по своей личной склонности и любознательности, предоставлялъ управление дѣлами въ своемъ государствѣ другимъ лицамъ и предпринималъ долгое и далекое путешествіе въ качествѣ частнаго человѣка, въ свѣтѣ посольства, которое въ сущности служитъ ему свитой и средствомъ безопасности. Можетъ быть, тутъ дѣйствовало намѣреніе пошатнуть древнѣйшіе и важнѣйшіе обычаи, а можетъ быть, имѣлось въ виду пригласить подданныхъ послѣдовать примѣру государя и удалить изъ государства тѣхъ, которые могли бы быть опасными и пр.“. Указавъ далѣе на пребываніе Петра въ Германіи, Голландіи и Англіи, Рудзини описываетъ личность царя: „Хотя онъ вездѣ обнаруживалъ нѣкоторую странность нрава, но въ то же время выказывалъ необычайныя способности, которыя еще гораздо болѣе бросались бы въ глаза при болѣе тщательномъ образованіи. Онъ вездѣ обращалъ особенное вниманіе на нравы и обычаи иностранцевъ, а также на полезнѣйшія учрежденія при управленіи государствомъ и для удержанія власти. Онъ тщательно осматривалъ все относящееся къ войнѣ, особенно къ артиллеріи, болѣе же всего, — къ морскому дѣлу и т. д.“. О внѣшности Петра сказано, что онъ высокъ ростомъ, хорошаго тѣлосложенія, поворотливъ, энергиченъ въ своихъ движеніяхъ, неряшливъ въ одеждѣ и обращается со своими приближенными то фамильярно, то чрезвычайно сурово.

Затѣмъ Рудзини разказываетъ объ аудіенціи, которую онъ имѣлъ у царя. Петръ при этомъ случаѣ говорилъ съ особеннымъ уваженіемъ о Венеціанской республикѣ и выразилъ благодарность за присылку ему оттуда инженеровъ; говорилъ о своемъ желаніи видѣть Венецію и ея богатый арсеналъ. Однако, исполненію этого предположенія помѣшали, какъ прибавляетъ Рудзини, — начавшіеся въ Московскомъ государствѣ безпорядки, заставившіе царя возвратиться въ Москву и явиться тамъ строгимъ судьей и неумолимымъ карателемъ бунтовщиковъ. Въ заключеніе Рудзини говоритъ о значеніи этого путешествія слѣдующее: „Нельзя сказать, окажутся ли наблюденія,

сдѣланныя во время путешествія, и приглашенія многихъ лицъ въ Россію для обученія подданныхъ и для развитія ремеслъ достаточнымъ средствомъ для превращенія этого варварскаго народа въ цивилизованный и для пробужденія въ немъ дѣятельности. Еслибы громаднымъ размѣрамъ этого царства соотвѣтствовали духъ и сила воли, то Московія была бы весьма великою державою. Въ разныхъ частяхъ ея насчитывается до 400.000 солдатъ. Но въ нравѣ Москвитинъ, по природѣ малодушныхъ, едва ли есть задатки благородной храбрости, которая служитъ подспорьемъ дисциплины и успѣха. Сто тысячъ казаковъ дѣйствительно могутъ считаться хорошими воинами и могли бы много сдѣлать, если бы можно было положиться на нихъ. Затѣмъ еще 40.000 Нѣмцевъ служащихъ въ войскѣ, придаютъ послѣднему значеніе. Но, не смотря на многочисленность войска и на обширныя средства, нельзя было безъ особеннаго затрудненія завладѣть плохо укрѣпленнымъ и защищеннымъ Азовомъ. Время покажетъ, на сколько новый флотъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и при помощи большихъ пожертвованій и трудовъ построенный, дѣйствительно доставитъ этому государству возможность господствовать на Черномъ морѣ ¹⁾.

Какъ видно изъ этихъ замѣчаній венеціанскаго посла, представитель знаменитой республики умѣлъ довольно справедливо оцѣнить значеніе путешествія Петра. Не впадая въ увлеченіе, не употребляя панегирическихъ выраженій, онъ отдаетъ полную справедливость Петру; въ противоположность папскимъ нунціямъ и іезуитамъ, занятымъ лишь мыслью о религіозной пропагандѣ, Рудзини смотрѣлъ на Россію какъ на государство, которое, благодаря усиліямъ Петра, могло имѣть великую будущность.

¹⁾ *Fontes rerum Austriacarum*, т. XVII, изд. *Иосифомъ Фидлеромъ*, стр. 429—431.

А. Бриннеръ.